

Б. И. Арутюнян

КРУПНЕЕ
МОНАСТЫРСКОЕ
ХОЗЯЙСТВО
В АРМЕНИИ

В XVIII — XVIII в. в.

АРМФАН

9(47.925) | 130 91

A-86 | Арутюнян

Крупное монастырское
хозяйство в Арденич

	20.VI	123
	29.VI	720

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

**ПОСВЯЩАЕТСЯ 20-ЛЕТИЮ УСТАНОВЛЕНИЯ
СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В АРМЕНИИ**

**ՆԿԻՐՎՈՒՄ Ե ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ ԽՈՐՀՐԴԱՅՆԱՅՄԱՆ
20-ՍՄՅԱԿԻՆ**

ԽՍՀՄ ԳԻՏՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ԱԿԱԴԵՄԻԱ.—ՀԱՅՈՒԱԿԱՆ ՖԻԼԻԱԼ
ՓԱՏՄՈՒԹՅԱՆ ԲԵՎ ՀՆԱԴԻՏՈՒԹՅԱՆ ԻՆՍՏԻՏՈՒՏ

Բ. Մ. ՀԱՐՈՒԹՅՈՒՆՅԱՆ
ՊԱՏՄ. ԳԻՏՈՒԹ. ԹԵԿՆԱԾՈՒ

ՎԱՆԱԿԱՆ ԽՈՇՈՐ ՏՆՏԵՍՈՒԹՅՈՒՆԸ ՀԱՅԱՍՏԱՆՈՒՄ
XVII—XVIII Դ. Դ.

ԵԶՄԻԱԾՆԻ ՎԱՆՈՒ ԱՐԽԻՎԱՅԻՆ ՆՅՈՒԹՆԵՐԻ ՀԻՄԱՆ ՎՐԱ
(Պատմամանուսագիտական ուսումնասիրություն)

9(47-32)
А-86

Б. М. АРУТЮНЯН
КАНДИДАТ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК

КРУПНОЕ МОНАСТЫРСКОЕ ХОЗЯЙСТВО В АРМЕНИИ
В XVII—XVIII В. В.

По архивным материалам Эчмиадзинского монастыря
(Историко-экономическое исследование)

12001

II
РД 61180
II
РД 61180
РД 61180

1961

*Печатается по решению
Президиума АрмФАН-а.*

Краткий очерк истории Эчмиадзинского монастырского хозяйства до начала XVII столетия

Армянская церковь с момента своей организации начинает владеть недвижимым имуществом.

Историк IV века Агафангел рассказывает, как в начале IV века царь Тиридат и первосвященник Григорий, названный впоследствии „просветителем“ (*Գրիգոր Մեծ*), разрушали языческие храмы, разгоняли жрецов и богатство их передавали церкви; а богатство это состояло из золота, серебра и обширных поместий, которыми владели языческие храмы и их жрецы. При этом особенное внимание было обращено на обеспечение ковой, христианской церкви поместьями и крестьянами. С этой целью жрецов и других служителей языческих храмов превращали в рабов и в крепостных церкви.

Вот что пишет Агафангел по поводу разрушения храма богини Ананды и бога Тира в городе Аоташате:

„Разрушив до основания, разваливали все и накопленные сокровища раздавали нищим, страдальцам и бедным, а „дастакерты“ (виллы) и служителей вместе с жрецами и их землями дарили в рабство для служения церкви“¹.

Так же поступили с храмами в Багаяриче, в Тордане, в крепости Ани и проч.

Кроме богатого наследства, полученного от языческих храмов, церкви доставались также особо выделенные для нее царями и владельческими нахарарами поместья и разные земельные угодья.

¹ «Պատմություն Գրիգոր Մեծի Երկեր», № 27, стр. 397.

В 484 году католикосский престол тоже переносится в город Двин, в резиденцию марзпанов Армении. С этого времени значение Эчмиадзинской кафедральной церкви постепенно уменьшается, а после перенесения католикосского престола в город Ани (992 г.), а затем и в Киликию Эчмиадзин почти исчезает с исторической сцены и никакой роли в церковно-политической и хозяйственной жизни страны не играет.

В 1441 году, при царствовании в Иране Джахан-шаха (1437—1467), когда политическая атмосфера становится сравнительно благоприятной для армян, католикосский престол снова и окончательно переносится в Эчмиадзин.

В это время Эчмиадзин представлял из себя почти совершенно запущенное место. Первым католикосам приходилось заботиться не только о восстановлении полуразрушенного храма и других прицерковных построек, но и о создании устойчивой материальной базы для содержания церковной братии.

В обстановке феодального общества единственным доходным источником могла являться эксплуатация труда зависимого от земельного собственника крестьянина. Поэтому, католикос Григорий Маквечи покупает за 630 тыс. динаров у одного сановника иранского шахского двора и дарит в вакуф Эчмиадзину семь деревень, в том числе и Вагаршапат, который искони принадлежал Эчмиадзину, но, вследствие разыгравшихся исторических событий переходя из рук в руки, в то время находился во владении упомянутого сановника.

Однако, политические потрясения последующих лет не дают возможности эчмиадзинским католикосам завести собственное хозяйство. Купленные Григорием Маквечи деревни переходят путем захвата в руки разных владельцев, и эчмиадзинской братии приходится опять продолжать свое существование на приношениях со стороны верующих и на разного рода церковных поборах.

Возобновление и дальнейшее развитие эчмиадзинского хозяйства происходит лишь через два столетия после этого, именно с первой половины XVII столетия. Исследованию хозяйства и хозяйственных отношений Эчмиадзина за XVII и XVIII в.в. и посвящается настоящий наш труд.

Политическая и социальная среда

Восстановление в начале XVII века и дальнейший подъем эчмиадзинского хозяйства протекали в сравнительно благоприятной политической обстановке.

Последовавшие за Аббасом (I) Великим иранские шахи вели более мягкую политику в отношении Эчмиадзина.

В 1629 году преемник Аббаса I шах Сефи издал на имя католикоса Мовсеса указ (*пешав*), которым он отменил обязательство эчмиадзинских католикосов об ежегодной уплате шахской казне по 100 туманов налога под названием „мухатта“. Историк Аракед Давриджеци (XVII в.) рассказывает, каким тяжелым бременем был этот налог не только для Эчмиадзина, но и для всего армянского народа, так как для уплаты накопленного за несколько лет долга сам католикос ездил по городам и селам вместе со слугами шаха, приставленными к нему, и насильственно собирал „полагаемые Эчмиадзину добровольные поступления“. При этом все расходы на содержание шахских слуг также производились за счет народа¹.

В 1048 г. хиджры (1638 г. н. э.) тот же шах Сефи по просьбе католикоса Филиппоса Ахбакеци издал указ, согласно которому воспрещалось кому бы то ни было чинить препятствия свободному хождению католикосских „пвираков“ (нунцев) всюду, по всей стране, для сбора денег и разных натуральных поступлений в пользу эчмиадзинского престола. Тем же самым указом запрещалось шахским и ханским чиновникам вмешиваться во внутренние дела Эч-

¹ *Վարդան Քրիստիանոսի Գործընկերությունը, Երևան, 1896, стр. 222—223.*

мнадзина или требовать какие-либо налоги, сборы, пошлины и проч.

Аналогичную же благосклонную политику в отношении Эчмнадзина ведут также последующие шахи: Аббас II (1642—1667), от которого имеется много фирманов эчмнадзинским католикосам—Филиппосу Агбакеци и Якобу Джугаеци, шах Сулейман (1667—1694) и др.¹

Благосклонная для Эчмнадзина политика иранских шахов диктовалась следующими причинами: во-первых, армянское купечество в это время играло в экономике Ирана крупную роль и пользовалось большим весом при дворе шахов. Стимулируемые быстрым развитием торговли европейского запада с Индией и с ближне-азиатским побережьем, иранские повелители стали усиленно покровительствовать развитию ремесел и торговли в своей стране, главными носителями которых являлись армянские колонии в Иране, находившиеся не только в тесной духовной связи с Эчмнадзином, но и надеявшиеся на последний как на объединяющий центр для осуществления своей мечты о создании политической опоры для себя, в виде хотя бы полунезависимого армянского государства под протекторатом России или какой-либо другой державы. Необходимость политической опоры особенно чувствовалась под напором быстрого подъема и конкуренции со стороны голландского и английского купечества.

Вторая причина—это влияние Эчмнадзина как духовного центра на весь армянский народ. Отсюда и политическое значение его роли в деле притягивания армянского населения Закавказья к иранскому господству.

Третья причина—это значение Эчмнадзина как поставщика провианта и денег на случай войны с соседними

¹ «Я-браз»—стр. 210—227. Здесь перечислены все фирманы (указы) иранских шахов эчмнадзинским армянским католикосам, находившиеся в эчмнадзинском архиве. Автор «Джамбр'а» Симеон Ереванци тщательно собрал и привнес их в порядок. В книге своей он приводит краткие содержания этих документов.

государствами, главным образом с Турцией. В период с XVII—XVIII в.в. немало бывало случаев, когда эчмиадзинские католикосы выводили воюющих шахов из тяжелого положения. Так, например, католикос Филиппос Ахбакеци в своем прошении к шаху Аббасу II упоминает как свою заслугу то, что он уплатил 200 туманов денег турецкому военачальнику Муртузе-паше и тем предотвратил опустошение Ереванской страны.

Во время похода Тахмаз-кули хана (впоследствии известный Надир-шах) против турок католикос Абраам Кретици оказывает большую услугу ему, доставляя провиант для войска и поднося ему ценные подарки.

Таких примеров можно привести много.

Покровительственная политика диктовалась еще и тем, что эчмиадзинские „нвираки“ доставляли из разных стран крупные суммы и ценные товары, значительная доля которых шла в подарок шахскому двору и правителям Ереванской областью—ханам и их „нокарам“ (слугам).

Тем не менее нельзя утверждать, что в XVII и XVIII столетиях политическая среда давала большие возможности для развития эчмиадзинского хозяйства. Частые войны между Ираном и Турцией, нашествия и набеги разбойничьих банд, самоуправства правящих ханов и их слуг ставили Эчмиадзин под постоянную угрозу разорения и опустошения.

Краткая история эчмиадзинских мулковых сел, которую приводит Симеон Ереванци в „Джамбр'е“, свидетельствует о том, как часто эчмиадзинские владения переходили в руки ханов, беков и других путем прямого захвата. Повторные шахские грамоты об одном и том же вопросе показывают, как часто местные ханы и их чиновники игнорировали эти грамоты и чинили разные самоуправства. Такая неустойчивая обстановка значительно тормозила развитие хозяйства и мешала его нормальному ходу. Эчмиадзинским католикосам приходилось приспосабливаться к конкретной политической обстановке и управ-

лять „по обстоятельствам времени“ (*срив. реридибу динд-
тшифр*), как выражается автор „Джамбр'а“.

Ереванская область, где находится Эчмиадзинский монастырь, почти за весь исследуемый нами период находилась под властью Ирана, кроме небольшого отрезка времени, а именно с 1722 по 1735 год, когда она была под властью Турции. Иранские шахи назначали правителей областей, называвшихся „бейлербеками“. Бейлербеки пользовались большими полномочиями и управляли областью почти самостоятельно, платя только определенную подать государственной казне¹. Эчмиадзинским католикосам приходилось считаться с этим обстоятельством и стараться находиться с ними в постоянной дружбе. Конечно, эта дружба обходилась им недешево, так как для поддержания дружественной связи необходимо было не только несколько раз в году преподносить им большие подарки, но и зачастую удовлетворять их незаконные требования. В расходных книгах монастыря нередко встречаются статьи, подобные следующей: „Гуссейн-Али хан потребовал от Св. Престола 100 туманов, когда он собирался ехать к Пенех хану. Но когда мы умоляли его (и говорили), что не имеем, уступили нам и взяли 50 туманов, июнь 1759 года“. (См. архив, папка 1, докум. № 27, стр. 59).

Тем не менее католикосы очень дорожили этой дружбой, так как, опираясь на нее, „святые отцы“ не только могли обеспечить себя и свои владения от всевозможных обидчиков и захватчиков, но и использовать ее для угнетения и эксплуатации трудового крестьянства своих сел.

Можно привести немало случаев, когда католикосы для усмирения непокорных крестьян прибегали к помощи ханов и их жестокой расправе. Здесь классовые интересы

---

¹ Во второй половине XVIII столетия, вследствие междоусобий в Иране, Ереванские ханы попали под владычество грузинского царя Ираклия и платили ему дань.

двух угнетателей трудового крестьянства сходились, а потому духовенство могло и забывать „свою пастырю“.

Стараясь обеспечить за собой самовластное хозяйничание в своих населенных имениях и по возможности оберегая себя от произвола ханских чиновников, армянские католикосы добивались у иранских шахов, а во время владычества турок (1722—1735) у турецких султанов разнообразных льгот и привилегий. Одной из таких привилегий являлось „маафство“, на котором считаем необходимым остановиться.

Слово „мааф“—арабское, обозначает свободный (изъятый). При иранском владычестве так назывались обыкновенно землевладельцы, освобожденные от податей и повинностей. Маафскую привилегию можно было покупать; для этого нужно было заплатить хану-правителю сразу или ежегодно определенную сумму и получить от него „талгу“ и навсегда освободиться от взноса податей и повинностей. Маафство жаловалось также шахами.

Эчмиадзинский монастырь со своей братией и служашими был причислен к категории „маафов“ на основании шахских грамот.

Однако местные правители зачастую пренебрегали даже шахскими грамотами и требовали выкупа „талги“.

Автор „Джамбр'а“ Симеон Еренанци „маафство“ эчмиадзинского престола определяет так:

„Когда эчмиадзинский престол восстановился и божьей помощью постепенно приходил к своим прежним порядкам, т. е. к тому, чтобы быть свободным от всяких налогов (*հարկ*), что означает: ни католикосы, ни братия не обязаны платить светским властям каких-либо налогов, как платят миряне; принадлежащие Св. Престолу поля, виноградники, токн (*դառ*) не подлежат измерению; скот и вьючные животные не берутся на учет, мельницы и тому подобное не включаются в опись; за ввозимое и вывозимое не взимается пошлина (*մաքս*); не давать ни подушной подати, ни пятинны (*հինգորդ*), ни десятины (*մասնակորդ*),

никаких налогов с дома, со скота, с мулка и т. п., как принято вообще в (нашей) стране, а со всеми своими (св. престолу) быть свободным¹...

Как видим, автор перечисляет почти все разнообразные виды налогов, которые платили „миряне“ и от которых были освобождены монастырь и его братия с католикосом во главе. Не входя в подробный разбор всей сложности налоговой системы, существовавшей тогда в Ереванском ханстве, считаем необходимым привести все виды этих налогов, сгруппировав их следующим образом:

1. Налоги подушные.
2. Налоги подынные.
3. Налоги с урожая.
4. Налоги за скот.
5. Налоги с промышленных предприятий.
6. Косвенные налоги (всякого рода пошлины и т. п.).

Хотя автор „Джамбра“ с некоторым пафосом заявляет, что эчмиадзинскому престолу и монастырю было дано „со всеми своими быть свободными от всяких налогов“, — но фактически положение было не совсем такое. Через несколько страниц сам автор начинает рассказывать о том, от каких именно налогов был освобожден Эчмиадзин и какие налоги он платил: „О том, каким образом и насколько (св. престол) является маафом и по какой части он не мааф и платит налоги“.

Значит, Эчмиадзин, хоть и частично, но все же платил налоги.

Какие же налоги он платил?

По сведениям из „Джамбр'а“ же, со времен католикоса Филиппоса Ахбакеци (1632—1655), добившегося в 1060 г. хиджры (1850 г. н. э.) от Шах Аббаса II особого фирмана о „маафстве“, и Якоба Джугаеци, получившего „талгу“ от правителя Ереванской области Хосров-хана о том же, до начала османского владычества (1722 г.) Эч-

¹ Джамбра — стр. 130.

миадзин не платил никаких налогов. Последующие за Якобом Джугзеци католикосы при вступлении на престол каждый раз обращались к шахам и получали „указ о маафстве“. И на основании этих указов финансовые агенты (мирвензы) исключали из налоговых списков эчмиадзинские доходоприносящие объекты. В царствовании Надир-шаха (1736—1747) положение несколько меняется. По сообщению Симеона Ереванци, „этот звероправный и гордый Надир-шах ежегодно описывал все доходы и весь урожай всей страны“.¹ В 1735 г. шахский мирвенз Мирза Кязум описывает подробно все имущество Эчмиадзина, подлежащее налогу, и, подсчитывая всю сумму, подлежащую уплате, объявляет, что Эчмиадзин после этого будет свободен от уплаты налогов в пределах этой суммы, а именно: из налога по денежным поступлениям—на 10 туманов 6650 дин., а по натуральным поступлениям—на 66 халваров. На следующий год, вследствие увеличения налоговой нормы по всей стране, увеличивается также и налоговая сумма, падавшая на Эчмиадзин, и ему приходится уплачивать казне налог, который, за вычетом объявленных маафом 10 туманов 6650 дин., составлял 11 тум. 7960 дин. в год. На Эчмиадзине возлагается также уплата налога „малуджгат“ с подвластных ему 19 монастырей в размере 17 тум. 5000 динаров. Таким образом, Эчмиадзин становится маафом лишь частично.

В период османского владычества положение изменилось. Согласно фирману султана Ахмета III (1703—1730 г.), выданному по поводу прошения католикоса Аствацатура Амаданци от 1725 г. н. э., повторенному и в 1728 году, эчмиадзинский престол и монастырь с 3-мя подвластными ему монастырями (Шогакат, Гаяне и Рипсиме) и со всей братией освобождаются от всех налогов с условием, чтобы католикос вносил в казну ежегодно 350 курушей (пиастров). Подобный фирман дает также султан Махмут I в 1732 году н. э.

¹ *Амаданци*—стр. 146.

Для обеспечения доливластного хозяйствования в своих имениях эчмиадзинские католикосы старались добиваться отстранения постороннего вмешательства во внутреннее управление монастырского хозяйства; с этой целью католикос Симеон Ереванци берет в откуп в течение ряда лет все казенные налоги с вагаршапатских крестьян, не допуская пребывания в пределах Вагаршапата „даруги“.

Тот же самый Симеон добивается снятия вагаршапатского „даруги“ и „ханского слуги“ Сару-Магомета, который осмелился без разрешения его купить сад у крестьянина того же села Какоса.

Согласно грамотам ереванских бейлербеков — Гасан-Али хана Каджара от 1168 г. хиджры (1755 г. н. э.) и Халил-хана от 1169 г. хиджры (1756 г. н. э.), все купцы и торговцы эчмиадзинского каравансарая следующие от них государственные налоги (*гиримдер димурд*) платили эчмиадзинскому монастырю, который, в свою очередь, вносил за них в казну определенную сумму.

Кроме того, этим же торговцам предоставлялось право без контроля и вмешательства ереванского амкарства (цеха) базазов „открывать и закрывать свои тюки“, т. е. свободно торговать. „По установленному нестири порядку вьюки купцов нашего каравансарая открываются и закрываются (на месте); находящиеся (дословно, сидящие) в Ереване „базазы“ (купцы) не могут возражать (против этого)“.¹

„[Торговцы] занимающие место в нашем каравансараяе, государственные налоги (*гиримдер димурд*) платят монастырю, а монастырь платит дивану (государству — казне). Ереванские базазы не имеют права вмешиваться в их торговлю“.

Отсюда можно заключить, что эчмиадзинские католикосы добивались того, чтоб амкарские функции ереван-

¹ *Византизм* — стр. 231.

ского купечества не распространялись на эчмиадзинских торговцев.

Существенное значение имело для Эчмиадзина то, что монопольное право на мироварение (*միջամեծարկիւնը*, *մշտնոսիւնֆէր*) предоставлялось исключительно ему. Вокруг этого вопроса происходили между эчмиадзинскими католикосами и иерусалимскими патриархами споры, которые всегда разрешались в пользу Эчмиадзьяна. Продажа миро приносила большие выгоды.

Духовная власть эчмиадзинских католикосов распространялась далеко за пределами не только Ереванского ханства, но и Иранского и Турецкого государств.

Как известно, эчмиадзинские патриархи носили титул „католикоса всех армян“, и потому их духовная власть распространялась всюду, где были армяне. В XVII и XVIII столетиях армянские колонии были рассеяны почти по всему азиатскому побережью Индийского океана, по побережью Черного, Егейского и Средиземного морей и торгово-портовыми городам западно-европейского побережья Атлантического океана. Из континентальных государств, где имелись более или менее значительные армянские колонии, нужно отметить Грузию, Россию и Польшу. В длинных списках „ивракских округов“ (*ստորապատկան քիւնիքեր*), составленных по заданию католикоса Симеона Ереванци „нотаром“ Еремией Ошаканци, встречаются города Индостана, Индо-Китая, Китая, Зондских и Филиппинских островов¹.

Колонии, которые большею частью составляли армяне — торговцы и ремесленники, давали эчмиадзинским католикосам большие денежные выгоды.

Такая политическая обстановка значительно влияла на хозяйство Эчмиадзинского монастыря как с положительной, так и с отрицательной стороны.

Разрешение, а зачастую и покровительство законом

¹ Եղմբրոս — стр. 48.

„нвираков“ и „нвиракских сборов“, которые доставляли Эчмиадзину громадные денежные средства и иностранные товары, как мы увидим позже, стимулировали ведение большого латифундиального хозяйства посредством эксплуатации наемной рабочей силы, а также развитие обработки, хотя и кустарной, сельско-хозяйственного сырья.

Фирманы турецкого султана Ахмета III от 1137 хиджры (1725 г. н. э.) и 1139 г. хиджры (1727 г. н. э.), согласно которым все имущество выморочных семей предоставлялось эчмиадзинскому престолу (*עכמיאַדזינישע פּרעסבילע פּאַטריאַרקאַט* — «*Эчмидрн*» № 241 и 243), давали Эчмиадзину возможность владеть разным недвижимым имуществом во всех концах страны.

С другой стороны, всевозможные поборы правителей Ереванского ханства, разного рода принудительные преподношения, узаконенные обычаи, подкупы и т. п., как указано выше, выкачивали из кармана эчмиадзинских патриархов большие суммы.

Социальный состав общества в Ереванском ханстве в исследуемый нами период представлял следующую картину:

Основными классами общества являлись землевладельцы и трудовое крестьянство.

Первые состояли из коренных наследственных ханов, беков и мелников, а также из правительственных чиновников, которым вместо жалованья предоставлялись имения, главным образом, населенные, вся рента или часть ренты от которых шла в их пользу. К этой категории были причислены также мечети и монастыри и их служители, владевшие населенными и ненаселенными землями.

Второй, основной класс общества — это крестьяне, непосредственные производители, в той или иной мере зависящие от землевладельца.

Все земли делились на казенные (халисе) и мулкадарские.

За пользование землей и оросительной водой кре-

стьянин платил ренту-налог в размере $\frac{1}{3}$ урожая земли, так называемую „бахра“ (*բահր*), а также $\frac{1}{10}$ долю урожая, которая называлась „мулк“ (*մուկ*).

...как принято обычаем в нашей стране, во всех селениях, что бы ни посеяли, одну пятую (урожая) — „пятину“ дают казне, что именуется бахрой, и одну десятую — „десятину“ дают мулкадару, что именуется мулком”¹.

Исходя из этой цитаты, можно предполагать, что крестьяне, населявшие не мулкадарские, т. е. казенные земли, могли платить только казенную долю ренты-налога, т. е. $\frac{1}{10}$. Однако, это не так. С крестьян, населявших земли „халиса“ (т. е. казенные), казна брала $\frac{1}{2} + \frac{1}{10} = \frac{3}{10}$ урожая. Это указывает на то, что мулкадарская часть ренты-налога не что иное, как определенная доля общей ренты, которую казна уступала (временно или по наследству) разным лицам или духовным учреждениям за их казенную службу (вместо жалованья), за заслуги (в виде награды) или за религиозную службу (в виде вакуфа).

Крестьянство, согласно принципам магометанского исповедания, считалось лично свободным. Крестьянин не мог быть объектом продажи без земли. Он имел право оставлять землю — владения своего господина и переходить в другое место.

„Крепостного владения поселянами в мусульманских провинциях, как вообще у всех народов магометанского исповедания, не существует, ибо таковое запрещается священным их законом. Поселянин всегда имел право переходить с земли одного владения на землю другого, и если бек силою и властью своею останавливал действие этого права, тем не менее оно существовало”².

„Крепостного права на поселян по Армянской области не существует, и все они почитаются казенными”³.

¹ *История* — стр. 95.

² „Колониальная политика российского царизма в Азербайджане в 20—60 гг. XIX в.". Изд. АН СССР, 1936 г., стр. 104.

³ Там же — стр. 100.

Однако, отсутствие или чрезвычайно узкий охват вне сферы сельского хозяйства рынка труда и возможностей приложения рабочей силы вне сельского хозяйства для добывания средств существования принуждало крестьянство крепко сидеть на земле, а в случаях разорения сел и разрушения хозяйства войной—итти под иго того или другого землевладельца. Это—с одной стороны. С другой стороны, прямое, незаконное насилие ханов, беков и прочих сильных заставляло крестьянина работать в качестве крепостного, хотя и законом не было установлено личное закрепощение.

Недаром известный путешественник А. Ф. Гакстгаузен пишет: „Персидские крестьяне лично свободны, но несравненно угнетеннее и более заслуживают сожаления, чем крепостные“. (А. Ф. Гакстгаузен— „Закавказский край“, ч. 1, изд. 1857 г., стр. 246).

Основной общественной формой организации производительного сельско-хозяйственного населения являлась *сельская община* с „круговой порукой“. Община в целом отвечала за все налоги, в особенности платимые землевладельцам в денежной форме.

Взаимосвязь этих двух основных классов разбирать здесь не будем, так как об этом подробнее будет сказано в главе „Земельные владения Эчмиадзинского монастыря“.

Кроме этих двух основных классов общества, нужно отметить еще торговцев и ремесленников, населявших преимущественно города и крупные населенные места.

Торговцы и ремесленники были организованы в цехи.

По своему хозяйственно-бытовому укладу общество еще находилось в границах натурального хозяйства, несмотря на то, что торговая связь отдельных купцов была широка и распространялась далеко за пределами Ирана.

Значительное повышение доли налога в денежной форме в общей налоговой системе, в которой еще преобладала „рента продуктами“ и имелась еще остатки отработочной ренты и издольщины, а также повышение роли

денег в обмене товаров еще не расшатали самых корней натурального хозяйства.

Внутренний рынок обнимал главным образом сельскохозяйственные и ремесленные продукты местного происхождения. Товары привозные, преимущественно дорогие материи для одежды, часы, сахар и т. п. были доступны лишь крупным землевладельцам и правящему слою.

Такова была обстановка, в которой находилось и развивалось хозяйство Эчмиадзинского монастыря в XVII и XVIII в.в.

Структура эчмиадзинского хозяйства

В хозяйстве Эчмиадзинского монастыря, как и в любом хозяйстве феодального типа, преобладало сельское хозяйство, в основном — земледелие.

Начиная с 30-х годов XVII столетия, одной из главнейших забот католихосов было расширение земельных владений монастыря и создание условий для извлечения наибольшей выгоды из них. С этой целью они покупали мулкадарские селения, разными средствами и путями приобретали отдельные участки пахотной земли, сады, пастбища и, ссужая деньги на проценты, закабаивали целые деревни, заставляя их платить „двойной мулк“. Вместе с этим они заботились также об условиях лучшей эксплуатации земли — проводили оросительные каналы, сооружали водохранилища, вводили технически сравнительно усовершенствованные орудия пахоты, например, плуг вместо допотопного „арора“ (сохи) и т. д. Одновременно они создавали подсобные промышленные предприятия, тесно связанные с сельским хозяйством.

На всех этих вопросах более подробно остановимся в соответствующих главах. Здесь, пока в общих чертах, даем структуру хозяйства, имея в виду, главным образом, состояние хозяйства второй половины XVIII столетия.

На основании имеющихся исторических и архивных материалов можно прийти к заключению, что в XVIII столетии хозяйство Эчмиадзинского монастыря сложилось из следующих видов хозяйственной деятельности:

1. *Сельское хозяйство*—в котором главное место занимало земледелие, причем часть земель селения Вагаршапат, приобретенная у крестьян в разные времена и разными способами, обрабатывал сам монастырь своими орудиями производства, присваивая себе весь урожай. Остальную же часть земель селения Вагаршапат и земли ряда селений, принадлежавших Эчмнадзину на правах мукла, обрабатывали крестьяне и платили монастырю ренту. Скотоводство было представлено в незначительной мере—главным образом рабочий скот и небольшое стадо овец для внутрихозяйственного потребления.

2. *Промышленность*—заключавшаяся главным образом в первичной и простой обработке сельско-хозяйственного сырья, как, например, очистка хлопка в хлопко-чистильнях самой простой конструкции; очистка чалтыка от шелухи в „динках“ (рисочистильнях); маслоделние из растительного сырья—кунжута, льна, гена-герчака; мельничное производство, производство свечей и проч.

В последней четверти XVIII столетия в промышленности Эчмнадзина прибавилась новая отрасль—типографская и при ней небольшое бумагоделательное заведение.

3. *Торгово-банковские операции*—особенно развившиеся при католикосе Симеоне Ереванци (1763—1780 г.г.). На этом мы подробно остановимся в соответствующей главе. Заметим только, что эти операции не базировались непосредственно на хозяйстве, не являлись результатом естественного развития его. Они являлись приходящим элементом в монастырском хозяйстве и влияли на него лишь, так сказать, рикошетом. Тем не менее они оказывали значительное влияние на развитие хозяйства, давая возможность услаивать денежные ресурсы его.

4. *Церковные и „престольные“ сборы*. По характеру своему и по способу поступления эти сборы являлись внехозяйственными поступлениями и ничего общего непосредственно с хозяйством не имели. Но поскольку они сосредоточивались в одних руках хозяина-католикоса и

без разбора расходо­вались в хозяйстве, то нельзя ума­ливать и их значение для хозяйства монастыря.

Та­ким образом, хозяйство Эч­инадзинского монастыря в широком смысле этого слова охватывало не только сельское хозяйство и ремесленно-кустарную про­мышленность, работавшую, главным образом, не на рынок, а на внут­рихозяйственное потребление, каковые признаки при­сущи феодальному хозяйству, но также и торго­во-банковскую деятельность, поскольку она могла развиваться в феодальном обществе, уже втянутом в сферу влияния иностранного торгового капитала и переживающем период своего разложения.

Земельные владения

Базой для сельского хозяйства Эчмиадзинского монастыря служили его земельные владения.

Земельные владения Эчмиадзина, согласно „Джамбр’у“, можно разделить на две категории: „деревни, приносящие мулк“ (*տիրացեալ գիտորաւք*), и собственные земли (*եւեղք և հողք սեփականք աշտուղ հողք*).

Мулкадарские
земельные владения.

Выясним сначала, что такое мулк?

Автор „Джамбр’а“ слово „мулк“ употребляет в следующих трех значениях:

1. Мулк — недвижимое имущество, приносящее доход. Здесь под термином мулк подразумеваются не только населенные пункты, но и мельницы, „динки“, сады и даже бани. В этом смысле слово мулк мы встречаем между прочим и в следующих местах: *«Եւ որպէս գաթոռոյս միջոց խորձն յաւելացուցին սորա (զորձակալքն նադիր-լաւի—Բ. 2.), նոյնպէս և բոլոր Կրկրիս միջոցն յաւելացուցին»*. («Ջամբր» — ԿԶ 147).

Перед этим автор подробно перечисляет, какие имущества были обложены налогом; среди них не упоминается ни одна деревня, между тем перечисляются мельницы, динки, сады, маслобойни и т. п.

«Ի նույն գետն գիւրեանց մօր Քուրվանատայի սեփական մուլք խառնարձն ատն վախմ սոյնոյ վտնքիս» («Ջամբր», ԿԶ 287).
Здесь речь идет о собственном луге, который назван мулком.

«Այն գրեն յատկապէս զորպիսութիւն որոյ արժոյնս թէ ունի դայգիս, զճրաղացս, գորնկս, դիւմանս, զբարգանսարայս»

և դառն ամենայն մուլքս տոանց յատկացեալ թաւոյ, («Ջամբրո» — ԿԳ 107):

2. Мулк — объект обложения, т. е. в данном случае сама деревня, с населения которой взимается $\frac{1}{10}$ доля урожая в виде ренты-налога.

3. Мулк — определенная часть, а именно $\frac{1}{10}$ продукции земледелия, взимаемая в виде ренты-налога с населения данной деревни. В этом смысле чаще всего и в основном употребляется слово мулк в „Джамбр’е“.

Приведем несколько примеров:

1. «Գր. ԺԳ. յորում ցուցանեն յատուկ յատուկ միջատուց զԵղորտայր սրբոյ Կթառայ, յորոց ի յայդեաց և ի սերմանելեաց տանու մուլքս, այսինքն զտաւանորդս: («Ջամբրո», ԿԳ 99):

2. «Գնէ գէշտանկ մուլքն զԵղջո ալմիկ, որ է տաւանորդ» («Ջամբրո», ԿԳ 100):

3. ...«և ի տանէն մէկ զտաւանորդ տան միջատուտան, որ մուլք տար» («Ջամբրո», ԿԳ 159):

Как мы видим, основное значение мулка по „Джамбр’у“ — это десятина (*տաւանորդ*), уплачиваемая крестьянами мулкадору, владельцу населенного имения, в виде ренты-налога, или, вернее, — право владельца населенным имением на получение десятины с урожая.

В „Джамбр’е“ мы сталкиваемся еще с четвертым, по форме аналогичным с третьим, значением, а по существу отличным, своеобразным применением термина мулк. Автор приводит два случая, когда сельские общины, в одном случае селения Ошакан, в другом — сел. Франканок (оба селения монастырские), платившие ему мулк, попав в тяжелое положение „не то от какого-то случайного бедствия, не то от требования налогов со стороны инородных“, обращаются к католикосу с просьбой — дать им определенную сумму денег с условием, что упомянутые общины будут уплачивать ему — католикосу „второй мулк“, т. е. вторую десятину, что вместе с имевшимся мулком — десятиной составит „два мулка“, т. е. $\frac{2}{10}$, или $\frac{1}{5}$ от урожая.

Получив испрашиваемую сумму, сельская община селения Ошакан дает католику письменное обязательство, подтвержденное судебными органами,—улачивать двойной мулк, т. е. ²/₁₀ урожая.

Это произошло в 1171 году армянского летосчисления (1722 г. н. э.).

Совершенно аналогичный процесс описан в „Джамбр’е“ и относительно селения Франканок, с тою лишь разницей, что община Франканок получает 600 курушей, что по курсу равнялось 40 туманам, община же селения Ошакан получила 150 туманов.

В „Джамбр’е“ имеется еще один случай.

Община селения Бохенис будто бы испокон веку добровольно отдала свое село, т. е. земли общины, в вакуфное владение эчмиадзинскому престолу, а потом, «ի թաւնակեանց ժամանակին և յանբռնիկնէ աթոռոյս Երբնն նոյն դեօղականքն թէ և ի պակասութենէ իւրեանց արդելիալ ևն և ոչ են տունալ լատասանորդս— Բ. 2.), իսկ յետոյ ի ժամանակ Յակոբայ կաթողիկոսին Ջուղայեցոյ և ի յորդորմանէ նորին, սոյն դեօղականքն ի մի ժողովիալ վերստին հաստատելով զնախնեաց իւրեանց ուրան անդրէն զարձառցանէն զվեց դանկ մուլք զեղն իւրեանց ի սուրբ տիկոս» («Ջամբրո», Եջ 126)։

Чем объяснить это странное явление, когда крестьянская община „добровольно“ отдает себя в закабаление церкви, но как только чувствует, что положение церковных отцов пошатнулось и они бессильны взыскать „добровольный налог“, то крестьяне так же „добровольно“ отказываются платить? Затем, когда положение католиков укрепляется и они чувствуют за собою покровительство шахов и ханов, умеют „уговаривать“ крестьян опять таки „добровольно“ оформить свое закабаление на этот раз уже крепко, по шарияту (по закону). Ответ ясен. За „доброй волей“ действует или сила, или какое-либо иносудное принуждения.

Вышеприведенные казусы могли бы служить основанием для предположения, что источником мулкадарского

права могло служить также свободное соглашение крестьян. Однако, здесь мы имеем дело не с мулком в качестве определенной доли ренты-налога, взимаемой земельным собственником с непосредственного производителя-крестьянина за право пользования землей; здесь земля мулкадара уже находилась в пользовании сельской общины. Здесь мы имеем дело с ростовщическим капиталом, который отдается как бы в заем на неопределенный срок должнику, не имеющему в перспективе никакой возможности когда-либо погасить свой долг и потому взамен процентов дающему обязательство уплачивать определенную долю своего ежегодного урожая. Это обязательство в „Джамбр'е“ названо вторым мулком лишь потому, что доля урожая, подлежащая обязательной уплате взамен процентов, совпадает с практикуемой в то время долей ренты-налога, идущей в пользу мулкадара. Другими словами, два лица эксплуататора трудящихся, т. е. католикоса, именно: лицо земельного собственника и лицо кредитора-ростовщика как бы сливаются и этим затушевывается гнусная эксплуатация, совершаемая „святым отцом“. Это, повидимому, делалось и потому, что по канонам церкви ее служителям запрещалось брать проценты.

Что действительно обязательство Ошаканской и Франканоцкой общин—платить „второй мулк“, т. е. $\frac{1}{10}$ долю своего урожая, нельзя смешивать с мулком, платившимся в виде ренты-налога, это явствует из того, что после разорения этих сел во время войны, при вторичном заселении их крестьянами „второй мулк“ исчезает и остается лишь первый, т. е. настоящий мулк— $\frac{1}{10}$ доля урожая, платимая в виде ренты-налога.

Нельзя не отметить, что один из исследователей мулка в XVIII столетии, ссылаясь на примеры Ошакана и Франканоца, пытается доказать, что ссуда денег крестьянской общине, при обязательстве со стороны общины уплачивать десятину, есть один из источников мулкадарского права. Ясно, что эта буржуазная, анти-марксистская концепция

сводится к тому, чтобы в основе мулкадарского права видеть не внеэкономическое принуждение в отношении крестьянина-производителя, который принужден платить ренту-налог собственнику земли, а лишь простое обязательство, вытекающее из купли или ссуды на проценты; другими словами,—свободное соглашение крестьянина платить ренту.

Права мулка-
дара. Переходим к вопросу о правах мулкадаров. По этому поводу И. Шопен пишет: „Мулкадар не мог себя считать владельцем какой бы то ни было части деревни, земли или жителей, ему в мулк предоставленных, а просто состоял участником в доходе с оных, так же точно, как при окладном жалованье деньгами он был бы участником доходов казначейства, из которого бы получал содержание. Всякое непосредственное влияние на поселения ему строго воспрещалось, а все право его ограничивалось тем, что после уборки земных произведений он мог бы требовать от сельского саркяра причитающуюся ему часть из сельского амбара и общего податного сбора, собираемого с мулкадарских деревень“.¹

Утверждение И. Шопена, что мулкадар являлся лишь „простым участником в доходе предоставленных ему в мулк деревень“, чтобы содержать себя с семейством во время исполнения обязанностей обыкновенной службы“, надо признать не совсем соответствующим действительности.

Исследование мулковых отношений в эчмядзинском хозяйстве в XVII и XVIII столетиях дает основание для критического отношения к сообщениям И. Шопена, касающимся мулкадарско-земельных отношений в Ереванском ханстве. Правда, здесь можно возразить против такой постановки вопроса, указывая на то, что сообщения

¹ И. Шопен. — „Исторический очерки состояния Армянской области“. СПб—1832 г., стр. 927.

Шопена касаются главным образом периода сардарского владычества, т. е. лишь конца XVIII и начала XIX столетий, но нужно при этом иметь в виду, что Гуссейн-хан сардар не внес основной ложки в земельные отношения края и нововведения его касались лишь „оздоровления“ и более целесообразного использования уже существовавших отношений.

Основным, исходным положением И. Шопена является общераспространенное мнение, что в Персии вообще, и в частности в бывшем Ереванском ханстве, не существовало частной земельной собственности и земля „вся, всюду и без исключения принадлежала одному шаху, т. е. казне“.¹

Таковы, действительно, постановления магометанских религиозных законов.

Однако, по справедливому замечанию проф. С. А. Егиазарова, „Постановления эти отчасти под влиянием быстро развивающейся экономической жизни народа, отчасти вследствие слабости центральной власти в магометанских государствах, по крайней мере в отношении Закавказья, обратились в бессодержательную фикцию“.²

Аналогичное мнение высказывает также французский юрист,— историк права Р. Дарест.

„Мусульманское право, говорит он, признает и защищает собственность. Конечно, в Коране, как и в Библии, встречаются выражения о принадлежности земли богу, но эти выражения содержат в себе религиозную идею, а не правовую норму. Право собственности существовало и в землях, приобретенных посредством завоевания“.³

И действительно, исследование архивных материалов, касающихся земельных владений Эчмиадзинского монастыря, показывают, что такое расхождение между государ-

¹ Шопен. — „Исторические памятники“, стр. 925.

² С. А. Егиазаров. — „Исследование по истории учреждений в Закавказье“. Ч. I. Сельская община. Казань, 1869 г., стр. 138.

³ Р. Дарест. — „Исследования по истории права“. СПб., 1894 г., стр. 53.

ственными и духовными правовыми нормами и практикой имелось налицо.

Еще в первой половине XV столетия практикуется свободная купля-продажа населенных имений.

В этом отношении кабала (купчая крепость) и „вакуфнаме“ (вакуфная грамота) Григория Маквечи относительно купли и отдачи в вакуфное владение Эчмиадзинскому монастырю семи селений в 835 г. хиджры (1432 г. н. э.) представляют собой особый интерес.

Приводим краткое содержание этого важного документа, служившего долгое время основанием эчмиадзинского мулкадарского землевладения.

Католикос Григор Маквечи в 835 г. хиджры (1432 г. н. э.) покупает у высшего сановника персидского двора Амир-Рустама Амир-Мюшкене семь деревень в Ереванском ханстве, а именно: Вагаршапат (в документе назван — „Эчмиадзин“), Аштарак, Патриндж, Норагавит, Агавиатуи, Давис-Кирачлы и Мугни. В юридическом акте одновременно с покупкой значится также акт дарения со стороны Маквечи в „вакуф“ Эчмиадзинскому монастырю этих деревень, и потому документ часто называется „вакуфнаме“.

В акте даются довольно подробные указания о границах селений, о проданных объектах в каждом селе и о суммах, уплаченных за каждый из них. Как пример, приводим выписку, касающуюся сел. Вагаршапат.

„Проданные имения следующие:

1. Все селение Эчмиадзин (перечисляются границы) со всеми имениями и принадлежностями (*мүрүшүмүсүрүсү*), а именно: удобными и неудобными землями, горами и холмами, лесами, родниками и речками, камнями и пещерами, зимовками и пастбищами, усадьбами и садами, мельницами и виноградодавильнями, колодцами, — за исключением мечетей, кладбищ и дорог, которые не входят в состав продажи, а также имений, принадлежащих некоторым частным лицам, — за 90000 динаров Искендерской чеканки, половина

которых составляет 45000 динаров. Продажа эта совершилась через Шарпат...".

Аналогично этому в акте упоминается каждое село в отдельности, а затем говорится: „Продавец в два раза устно подтверждал правильность получения им полностью всей суммы денег — 630.000 динаров, а покупатель объявил о принятии в свое владение купленного имения, при этом снова была прочитана „сика“ (*սիկա*), после чего все имения становились безвозвратной собственностью (*անդամանիք սեփականութիւնը*) покупателя“. Затем в акте говорится о том, что все купленное патриарх Григорий по своей доброй воле подарил в пользу монастыря, „а потому ни продавец, ни его наследники после этого не имеют никаких прав на проданные имения, которые должны оставаться в распоряжении названного патриарха до его смерти, а после его смерти переходят в распоряжение преемников его прав по этому же монастырю — веро заслуженных духовных (отцов)“.¹

Правда, в этом документе нигде не упоминается слово мулк и вообще ничего не говорится о населении купленных селений и его обязанностях. Однако, в последующие века эчмиадзинские католикосы много раз ссылаются на этот документ, как на основание принадлежности им этих селений в качестве мулка, и, что важнее, правители и шарнат (магометанский духовный суд) принимают такое положение. Так, например, в 1763 году Симеону Ереванци на основании этого документа удается вернуть селения Аштарак, Мугни и Кирашлу, которые были захвачены правителями Еревана и долгое время платили мулк последним.²

Конечно, в течение 3-х столетий могли произойти перемены в земельно мулкадарских отношениях, а потому содержание вакуфнаме Григория Маквеци безоговорочно распространить полностью на исследуемый нами период — не вполне

¹ «Շրջանակ սեփական», 1873 թ. № 6 стр. 212—216.

² «Ջամբուլ» — стр. 130.

допустимо. Но одно ясно, что основанием для получения десятины „мулк“, безусловно, служило право на собственность земли или, по крайней мере, право вечного владения этой землей. или, выражаясь словами „Джамбр'а“, земля „мулк“.

Население на пространстве земли, находившемся в собственности или в вечном владении у мулкадара, обязывалось платить десятину „мулк“ собственнику или владельцу земли-мулк. Отсюда и смешанное употребление слова „мулк“—то в смысле населенной земли, то в смысле десятины, платимой населением землевладельцу-мулкадару.

Что право на „мулк“ в смысле получения десятины было тесно связано с правом собственности или вечного владения, это можно усмотреть из следующего казуса.

Сел. Франканок, принадлежащее Эчмиадзину на мулкадарском праве, во время ирано-турецких войн подвергается полному опустошению. Через три десятка лет, в 1760 году ереванский сардар Гуссейн-Али хан предлагает католикосу Иакову Шамхечи следующее условие:

„Я (хан) отсюда—оттуда приведу армян и заселю это село, (одну) половину мулка получу я, другую—ты“.¹

Ясно, что хан-правитель признает право собственности Эчмиадзина-мулкадара на опустошенное село, т. е. на земельное пространство, которое при заселении дает право собственнику его требовать определенную часть ренты.

Наконец, у самого же И. Шопена мы находим случай, когда правитель-сардар платит мулкадарам 10 халваров пшеницы в год за разоренное селение Карабаглар (см. Шопен: „Историч. пам.“, стр. 939).

Аналогичных примеров можно привести немало.

Нелишне указать также на другую особенность права на мулк. Это — неограниченность давности на право оспаривания захваченного или незаконно отчуждаемого мулка.

---

¹ *Джамбр'а*, стр. 113.

Есть случаи, когда второе, третье поколение мулкадара пред'являет претензию на мулк, давно уже перешедший другому владельцу; и шариат, разбираясь по сути дела, признает это право или отвергает.

Мулковые имения продавались, отчуждались вообще или полностью, или по частям. Основанием деления на части служило число 6. Каждая шестая часть, мулка называлась „данк“ (также „ахча“ — по-турецки, по-армянски — *ստանդ*). Целое выражалось словом „шешданк“, т. е. „шесть данков“, которое ставилось в начале слова мулк. *սեփրանդի մուլքը վեց ճանկ* („шесть данков мулка этого села“). Данк, в свою очередь, тоже дробился на $\frac{1}{2}$ данка, $\frac{1}{3}$ данка и т. д.

Мулк переходил по наследству и разделялся зачастую на мелкие доли. Так, например, в 835 г. хиджры на мулк сел. Вагаршапат заявляют претензии 14 наследников-совладельцев.

Все это показывает, что мулкадарское право основывалось на земельной собственности.

Мулкадар, хотя и имел право отчуждать мулк, однако не мог нарушить целостность земельного пространства, принадлежавшего общине; одинаково, он не мог отнять у кого-либо из крестьян землю. Право распоряжения земельными угодьями в пределах данного мулкадарского села принадлежало общине в целом и его членам. Взаимоотношения общины и ее членов определялись нормами обычного права. Мулкадар не имел права вмешиваться во внутриобщинные дела. В свою очередь, община в целом отвечала как перед государством, так и перед мулкадаром за все повинности.

В актах купли-продажи, дарений, в судебных процессах и т. п., касающихся эчмядзинских имений, мы встречаем много данных, которые показывают некоторую автономность общины. Приведем несколько примеров:

1. В 1131 году хиджры (1722 г. н. э.) община сел. Ошакан, которое являлось мулком Эчмядзина, продает

своему мулкадару—католикосу Аствацатуру одну треть воды, принадлежавшей общине.¹

2. Все крестьяне сел. Канакир (т. е. община) в 1158 г. хиджры (1740 г. н. э.) продают монастырю Гегард 200 саварос (50 га) пахотной земли.²

3. В 1126 году хиджры (1714 г. н. э.) крестьяне сел. Ошакан (мулк Эчмиадзина), пострадавшие от градобития и других бедствий, всей общиной (*դիզման*) занимают у двух кредиторов деньги: у одного—Мирзы Мамад-бека Саатлинского—180 туманов под залог 20 садов и 5 мельниц, а у другого кредитора—Ходжа Мосеса—150 туманов, закладывая 8 садов и 12 мельниц.³

По истечении срока община не смогла выплатить долги и, согласно договора, все заложенные сады и мельницы остаются кредиторам.

В дело вмешивается католикос Александр Джугаецци и, выплатив кредиторам долги (с вычетом с них полученного ими дохода), получает заложенные имущества в пользу Эчмиадзина. Здесь выявляется право общины закладывать частное имущество своих членов за долги всей общины. Надо полагать, что заложенные сады и мельницы были не общинные, а частные. Противное положение предполагало бы существование целого коммунального хозяйства у общины, какового мы нигде в документах не встречаем, и, кроме того, в дальнейшем изложении истории этих объектов залога автор „Джамбр’с“ прямо указывает на один из садов, который принадлежал ошакянцу Аракелу, сыну Филиппоса.⁴

С другой стороны, здесь можно отметить выявление преимущественного права мулкадара на покупку имущества своих мулкадарских крестьян, если таковое продается.

¹ *ibid.*,—стр. 194.

² *ibid.*, стр. 273.

³ *ibid.*,—стр. 174.

⁴ *ibid.*,—стр. 175.

Наряду с продажей общинною земель, воды и т. п. мы имеем в документах немало случаев, когда крестьянин сам продает свой сад, усадьбу и даже пахотную землю.

Приведем два примера из „Джамбр'а“

1. ...жители этого села (Вагаршапат), сыновья Гтакарарени Аветика: Тиратур, Егназар и Микаел продают один участок сада святому престолу за пять тысяч динаров во времена католикоса Александра Джугаеци, в 1161 г. нашего арианского летосчисления* (1712 г. н. э.).

2. „Еще Бардугимеос, сын Мосеса, из Норагавита, продает святому нашему монастырю пять сомаров (1¹/₂ га) посевной земли... за 15000 динаров, в 1160 году хиджры (1737 г. н. э.)“.

Крестьянские постройки составляли собственность крестьян, и лишь земля под постройки принадлежала помещику-мулкадару.

Это предположение подтверждается и следующими данными из „Джамбр'а“.

Когда католикосу Симеону захотелось расширить площадь ограды монастыря и для этого понадобилось разрушать крестьянские дома, расположенные вблизи монастыря, то он это сделал помимо их воли, но взамен разрушенных домов он построил на средства монастыря новые дома, только подальше от ограды монастыря.¹

Отчуждение земельного имущества на сторону могло совершаться лишь с ведома, а может быть и с согласия, мулкадара.

В „Джамбр'е“ по этому вопросу мы встречаем следующий случай:

„В нашем селе (Вагаршапат) один человек по имени Какос тайно от нас продал свой сад даруге нашего села, ханскому слуге, названному Сару-Мамад, что было закреплено крепкой кабалой. Когда мы узнали (это), принудив продавца и покупателя, взяли обратно сад от него и вер-

¹ „Джамбр'а“, — стр. 203.

лули Какосу, а его выставили из села и (сняли) с должности даруги, в 1216 году изшего (армянского) летосчисления (1767 г. н. э.)¹

Эчмиадзин в течение XVII и XVIII в.в. владел одновременно 22 селениями, платившими ему мулк-десятину. Большинство этих селений было приобретено им путем купли; некоторые — были подарены, а одно селение — Бохенис, как мы указали выше, по рассказу Симеона Ереванци, „добровольно само отдалось“ под мулкадарское владение Эчмиадзина.

Вследствие частых политических потрясений (войны, набеги и т. п.) селения эти, как и вся страна, разрушались, опустошались, попадали в чужие руки путем захвата. Иногда сами правители-ханы насильно отнимали у монастыря то или другое село и присваивали его доходы взамен своего содержания. Так, например, сын известного Амиргюна-хана Тахмаз-Кули, становясь ханом — правителем Ереванской области, „захватывает себе на прожитие мулк этого села (Вагаршапата) взамен своего жалованья“. (*«Джамриэ», 103—104*).

Эчмиадзину иногда приходилось заново и по несколько раз покупать вышедшие из его рук путем захвата селения.

Одно из этих селений — Вагаршапат, древняя столица Армении, в пределах которого находится Эчмиадзинский монастырь, принадлежало последнему на правах тнула. Тнульное право отличалось от простого мулкадарского права тем, что оно „вообще предоставляло владельцу право непосредственно распоряжаться в пожалованной деревне, которая в то же время исключалась из окладных списков; затем все сборы, все повинности с оной обращались в пользу владельца“.²

¹ *Ibid.* — стр. 169.

² И. Шопеня — „Исторический памятник“, стр. 928—929.

По своему происхождению тиульство однородно с мулком и является одним из видов мулка, так сказать, в его расширенном понимании. Хотя и тиудару, т. е. владельцу тиула, предоставлялось „право непосредственного распоряжения“, однако он, как и мулкадар, не имел права нарушать целостность общинного владения землей, не имел права отнимать у крестьян земли, продавать и отчуждать их. В отличие от мулка, тиульное право нельзя было продавать.

Любопытно то, что в „Джамбр'е“ нигде не упоминается тиульное владение и нигде не употребляется слово тиул.

Несмотря на это, по всем признакам владение селом Вагаршапат, которое всегда упоминается как мулк, более подходит под понятие тиул, чем под мулк.

В 13-й главе „Джамбр'а“ по поводу обращения католика Иакоба Джугаеци к Сулейман-шаху относительно Вагаршапата говорится, что шейх-ул-ислам и другие высокопоставленные люди свидетельствуют, что все доходные поступления из этого села, а именно: „шесть данков мулка, мутахил, бахра и прочие доходы искони принадлежали св. Эчмиадзину“ („Джамбр'а“, стр. 105). Отсюда ясно, что Вагаршапат платил Эчмиадзину не только обычный мулк, т. е. $\frac{1}{10}$ урожая, но бахру, т. е. казенную долю ренты-налога, и нес другие повинности, которые мулковые селения не несли, таковые несли только тиульные села.

Между тем как относительно других селений, принадлежавших монастырю, везде только упоминаются мулки, т. е. платящие десятину, в фирмане Шах Абасса II, датированном 1052 годом хиджры (1642 г. н. э.) село Уч-Килиса (персидское название Эчмиадзина-Вагаршапата, буквально значит „три монастыря“) названо „тиулом“.

„Без законного основания пусть никто не чинит препятствий в делах упомянутого тиула“.

И. Шопен то же селение Вагаршапат вместе с тремя

другими селениями, а именно: Ушаганом, (Ошакан), Мугни и Мастерой, называет титулами Эчмиадзинского монастыря.

Как мы указывали выше, эти селения часто переходили в чужие руки путем захвата.

При вступлении на престол католикоса Симеона Ереванци (1763 — 1780) во владении Эчмиадзина осталось только это селение — Вагаршапат. Остальные были захвачены ханами-правителями и разными лицами. Как рассказывает сам Симеон Ереванци, ему удалось уговорить правителя Ереванского ханства Гуссейн Али-хана вернуть законно принадлежащие Эчмиадзину, на основании „взкупнама“ Григория Макведи, селения: Аштарак, Егвард, Мугни и Кирашлу, а затем и сел. Агавнатун, находившееся в то время во владении у Сулейман-бека Каджара.

Собственные земли. Собственные земли Эчмиадзинского монастыря были расположены главным образом в районе сел. Вагаршапата. Они не составляли одного цельного участка, а были разбросаны среди общинных земель. Это показывает, что они были приобретены одновременно. По сообщению автора „Джамбр'а“, некоторые участки этих земель искони принадлежали монастырю и право собственности на них потом было подтверждено иракскими шахами — Аббасом Великим и другими, а во время турецкого владычества — турецкими султанами. Остальные были приобретены путем купли, дарения, захвата (*«գորն գրանալ գնէ, և գորն տնորն շրջանակ տնն սրբոյ Աթոռոյ»* («Джамбр'а» — стр. 164).

Земли эти были заняты под разными угодьями: пашнями, садами, сенокосами (*խոտնորր*).

Точные размеры этих земель с подразделениями по угодьям определить трудно, так как автор „Джамбр'а“, хотя и подробно перечисляет участки, но о занимаемом пространстве дает сведения лишь о пашнях, и то не всегда. Согласно этим данным, занимаемое под пашнями пространство равняется приблизительно 250 халварам

(625 га). Размер участков варьируется от 15 до 350 сомаров. Из рассказов автора можно прийти к заключению, что католики стремились „собирать“ и укрупнять свои земельные участки путем обмена с соседними участками, куплей и т. д., очевидно, с целью лучшего их использования.

Водовладение

Значение воды для низменной и предгорной части всего Армянского плоскогорья, а в частности для Ара-ратской равнины чрезвычайно велико.

Без оросительной воды эта страна представляла бы необитаемую пустыню. Достаточно указать, что среднее количество атмосферных осадков здесь достигает едва 318 мм при средней годовой температуре 11,4°, при знойном, палящем лете с температурой до 33° и, следовательно, при огромном испарении.

„Здесь, в хлебоднейшей полосе, земля, не пользующаяся орошением, не может питать даже самой скудной травы“.¹

Действительно, без оросительной воды земля здесь никакой ценности не представляет. Этим и объясняется то, что землевладение здесь не представляется без соответствующего водовладения.

Производственные отношения, связанные с землевладением, здесь невозможно рассматривать вне связи с водовладением. Недаром Мхитар Гош, автор известного „Судебника“ (нач. XIII в.), пишет: „Человек сам по себе свободен; но зависимость его происходит по земле и по воде“.² Этими словами законодатель неразрывно связывает земельные трудовые отношения с водными.

¹ И. Шопен. — „Исторический памятник“, стр. 365.

² «*Մխիթարի Գոշի Գործնականօրհրդ Կարգը*» — Կար. 1880 թ. стр. 320. Ср. Сборник законов грузинского царя Вахтанга VI, Тифлис. 1887 год. Отд. законы армянские, § 174.

Густая сеть оросительных каналов на Араратской долине существует уже тысячелетия.

С незапамятных времен путем применения самого тяжелого труда рабов или крестьян, при примитивных орудиях труда пробиты скалы, проведены каналы и каналы, иногда на расстояние десятков километров для доставки воды на богатую, но лишенную влаги землю.

Приступая к возобновлению и расширению монастырского хозяйства, эчмядзинские католики свое внимание обратили на этот насущный вопрос.

Еще в первой половине XVII столетия католикос Филипп Ахбакеци (1633—1655 г.) повернул русло реки „Геозалдара“, бывшей начало с горы Арагац (Алагез) и протекавшей в сторону Ширакской области, в то время находившейся в пределах Турции,—провел канал до реки Касах (приток Аракса) и тем увеличил дебет этой реки водой на 10 „мельниц“. Этой водой орошались эчмядзинские земли и общинные земли сел. Вагаршапат, принадлежавшие монастырю.

Тот же самый католикос углубил и расширил исток реки Загги (древнее название «Հրիզդ» — „Раздан“), — притока Аракса, и увеличил дебет воды из Севанского озера.

Преемник Филиппа Иакоб Джугаеци (1655—1680 г.) провел два „канкана“, т. е. два стока подземных вод—один для орошения полей и приведения в движение мельниц, а другой—для питья и других хозяйственных целей.

Кроме этого, тот же самый Иакоб сооружает еще три водохранилища — запруды.

Из водных сооружений последующих католикосов замечателен большой канал католикоса Нагапета (1691—1705 г.), который он провел из реки Загги до Вагаршапата для орошения монастырских садов и полей.

Канал этот известен под названием „Далма“. Для этих сооружений, нет сомнения, были использованы полу-

крепостные крестьяне монастырских и других окрестных сел, возможно и за плату, хотя и очень низкую.

Так или иначе, они стоили довольно больших затрат, как пишет автор „Джаубра“ относительно Гезалдаринского канала и канала „Далмы“.

«Մակնայ գլխոն ձորակին, ուր ընթանալ գետն ճրագդան, ջաղխելով գգէմս, բանարով գաղտնաբեր առու մեծաւ աշխատութեամբ և անհամար դրամածախութեամբ» («Ջաւրո» — стр. 26).

Эти большие расходы окупались тем, что монастырь получал возможность, во-первых, разводить на своих землях высокоценные культуры хлопка, чая, т. п., требующие большого количества оросительной воды, во-вторых, освоить новые пространства для посевов.

Любопытно то, что католикос Филипп в обращении своем к шаху Аббасу II с просьбой освободить монастырь от налогов ссылается, между прочим, и на то, что он провел Гезалдаринский канал, а преемник его — католикос Иакоб, в обращении к правителю Ереванской области Абас-Кули-хану прямо указывает на то, что земли, орошаемые проведенным им „канкан“-ом, должны быть освобождены от „бахры“.

„В Эчмиадзине провел (дословно: „вывел“) воду „канкан“-ом, что большую пользу (дает) селу; при пользовании этой водой, что бы ни посеяли, не должны (от них) требовать бахру“.

В обоих случаях просьбы католикосов удовлетворяются.

Что проведение оросительных каналов по частной инициативе поощрялось правительством и предоставляло проводившему определенные выгоды и преимущества, это можно видеть также и на других примерах.

Приведем один из наиболее ярких:

В 70-ых годах XVII столетия правителем Ереванской области назначается Софи-хан, по национальности грузин. Он проводит большой канал от реки Мецамор (Кара-су) по пустым, безводным местам, осваивает большое про-

стракство земли, основывает село, заселяет крестьянами, называя село по своему имени—Сефнабад. Жена хана, по примеру мужа, проводит ветвь от этого канала в другую сторону для орошения также неосвоенных земель, заселяет их людьми и называет по своему имени—Хатун-арх. Затем супруги объявляют всенародно, что: „Эти воды, которые мы провели, сделали себе и своим „вахм“-ом и „хейрат“-ом во вечные времена, чтобы кто бы ни был из жителей (этих деревень) или откуда бы ни был, как из магометан, так и из армян, что бы ни посеял на проведенной нами воде, от этих посевов „мулк“, т. е. десятину, не давал бы никому, ибо мы эту воду сделали „хейрат“-ом. (*«Дшдрал»*, стр. 159)“

Из этого и предыдущих примеров можно предполагать, что прозодивший оросительный канал имел право получать „мулк“, т. е. десятину, от населения, которое пользовалось этой водой для оросительных целей, или же освобождался от государственной доли ренты-налога, если сам засеивал эти, вновь осваиваемые земли.

Во всяком случае, несомненно то, что проведение каналов и канав поощрялось правительством и предоставляло проводившим определенные льготы.

Если проведенный канал проходил через чужие земли, то половина воды, протекающей по каналу, принадлежала всем тем, через земли которых проведен был канал, а другая половина—проводившему.

Никто не имел права препятствовать проведению воды.

Кроме вод, протекавших по проведенным самим монастырем канавам, монастырь имел также купленные воды. Так, например, в 1723 году католикос Аствацатур покупает у общины сел. Ошакан $\frac{1}{2}$ воды, протекавшей по принадлежавшей этой общине канаве.

Католикос Александр Джугаеци покупает в Тавризе воды у Мугаммад-Мусы — *«Երկու շաբաթէն շուրջ»* (воду—в две недели раз) за 6 туманов, у Махмеда-Шефи — *«Երկու շաբաթէն շուրջ»* (воду—в две недели раз) за 5 туманов 9000 динаров, у Саши-ханум — *«Երկու շաբաթէն շուրջ»* (воду—

в неделю раз) за 3 тумана и 3000 динаров, у Магомет Рагима — «*14*» (14) «*14*» «*14*» «*14*» (воду — в 14 дней раз) за 6 туманов и т. д. Все эти воды шли на орошение монастырских садов, находившихся в Тавризе.

Воды свои монастырь использовывал не только для оросительных целей, но и как двигательную силу для мельниц, «*14*»-ов (рисочистилен), «*14*»-ов (хлопко-чистилен).

Из-за пользования водой между монастырем и крестьянами села Вагаршапат часто происходили споры. Такие же споры происходили также с общинами окружающих сел. Католикосы обращались к ханам-правителям, а иногда и к шахам, и почти всегда спор разрешался в пользу их, так как правительство покровительствовало монастырю. Часто играли роль также подкупы и „пешкеш“-и.

Тиульные права Эчмиадзина на сел. Вагаршапат были обусловлены главным образом тем, что он был признан иранским правительством собственником половины воды, протекавшей по реке Касах, дебет воды которой, как было упомянуто выше, был увеличен католикосом Пилиппосом Ахбакеци.

Считая себя собственником воды, монастырь самовольно распоряжался ею, в первую очередь использовывая ее для орошения своих полей и садов.

Положение других, мулкадарских селений было иное. Они, как и остальные селения бассейна реки Касах, пользовались половиной воды этой реки.

На обязанности Эчмиадзина как мулкадара лежала чистка каналов и вообще приведение в порядок водооросительных сооружений. Это подтверждается следующими архивными данными. В расходной книге Эчмиадзинского монастыря за 1791 г. говорится:

„Канаву (деревни) Агавнатун и нашего мулкового поля чистили 55 рабочих, считая по 7 пара за рабочий день, выдал 6350 динаров“.

В расходной книге за 1784 г. говорится:

„Пруд (деревни) Егвард дали сделать (привести в порядок). Рабочих было 42, считая по одному абасу в день, из них: рабочих, нанятых с питанием за их счет — 15. Выдал 8400 динаров“.

В другой книге за 1788 г.—

„Рабочих по очистке Егвардской канавы было 199 человек, из которых 138-ми выдал (я) по 10 пара — 2 тумана 3000 динаров; 61 рабоч. из того же села — по 1 абасу, питание за их счет, выдал (я) 1 туман 2200 динаров. Всего 3 тумана 5200 динаров“.

В „Джамбр'е“ имеется следующее указание:

„Житель селения Мастара Акинчи Махмат-хан пишет нам, что это село (Мастара) является вашим мулком; — идите и очищайте канаву его“.

Производство и производственные отношения

Земледелие

Базой для собственного земледельческого хозяйства служили принадлежавшие Эчмиадзину земли, расположенные главным образом в районе села Вагаршапата, и собственный, монастырский сельско хозяйственный инвентарь. Рабочая сила доставалась из крестьян частично в порядке барщины (*Կրոն*), а главным образом по найму.

Посевная площадь. По данным из „Джамбр'а“, эчмиадзинские католикосы собственное хозяйство завели лишь со времен католикоса Филиппоса Ахбакеци (1633—1655 г.), который „при увеличении числа братии нашего святого престола, а также пашен и полей для посева стал применять особый плуг (*յարակ գալիշի*), какового не было раньше“.¹

Ограниченность собственной посевной площади была вызвана, как говорится в обращении католикоса Филиппоса к шаху Абасу II, „бедностью“ Эчмиадзина.

„По бедности (своей) едва засеваем пространство, которое возможно вспахать одним плугом“.²

Однако пространство, могущее быть вспаханным одним плугом, не могло удовлетворять нужды Эчмиадзина. По мере роста хозяйственной мощи монастыря собственная посевная площадь его расширяется.

Католикос Александр Джугаеци (1706—1714 г.) заводит второй плуг, увеличивая одновременно и количество рабочего рогатого скота.

¹ *Джамбр'а*, стр. 131.

² *Ibid.*, стр. 131.

Стремление эчмиадзинских католикосов расширять собственную монастырскую посевную площадь заживо задевало интересы Вагаршапатской общины.

Расширение могло быть или за счет земель общины, или, в лучшем для крестьянства случае, за счет тех собственных земель монастыря, которые раньше отдавались крестьянам в обработку на издольных началах. Как в первом, так и во втором случае сокращалась площадь крестьянских посевов.

Эчмиадзин всегда старался закрепить за собой право собственника и непосредственного распорядителя всех вагаршапатских земель.

Симеон Ереванци, перечисляя все участки земель, находившихся в непосредственном распоряжении монастыря, добавляет: „Вот все эти места, о которых писали выше, суть (принадлежность) собственность святого престола; наши крестьяне не могут на них посеять что-нибудь без нашего разрешения (дословно: приказа). Однако, на других полях нашего села, которые принадлежат самим крестьянам, мы можем засеять по мере потребности времени, если захотим“.¹

Это одностороннее, произвольное толкование автором „Джамбр'а“ подобных прав не соответствует ни нормам обычного права, ни господствовавшим тогда мукадарско-земельным отношениям. Правда, тиулар пользовался, по объяснениям И. Шопена, правом „непосредственного распоряжения“ в тиульских селениях, но это право не распространялось на земельные имущества ни крестьянской общины в целом, ни отдельных членов общины. Тем не менее со стороны монастыря бывали поползновения в этом направлении.

Расширение собственной посевной площади Эчмиадзина принуждало вагаршапатских крестьян выполнять также дополнительные повинности, а именно: поставку

---

¹ «*Сурб*», стр. 158.

рабочих рук, перевозку за свой счет урожая в гумна и амбары монастыря и проч. Был еще другой момент: Эчмиадзин являлся собственником оросительной воды, так как каналы и водохранилища принадлежали ему. Вследствие этого он пользовался правом преимущественного пользования, предоставляя общине лишь остаток воды. Увеличение посевной площади повлияло бы и на количество предоставляемой общине воды в сторону ее уменьшения.

Все это вызывало со стороны крестьянской общины резкие протесты, а иногда и волнения, доходившие до открытого неповиновения Эчмиадзину.

Об одном таком выступлении крестьян в „Джамбр'е“ мы читаем следующее:

„Так как во время этого Раджба-паши наши сельчане (речь идет о крестьянах селения Вагаршапат) хотели сорвать (применение) одного плуга нашего престола, поэтому католикос Аствацатур подал жалобу этому паше“. (*«Джамбр'е»*, стр. 142).

Ясно, что паша удовлетворяет жалобу своего классового друга и заставляет крестьян повиноваться Эчмиадзину.

„Паша пишет (приказ) на имя субаши нашего селения, чтобы он принудил к повиновению сопротивляющихся“. (*«Джамбр'е»*, стр. 249).

Рост посевной площади в цифровом выражении в точности установить трудно. Имеющиеся сведения по этому вопросу в „Джамбр'е“ приведены только в связи с вопросом о „мазфстве“. Разумеется, что эти цифры могли быть иногда преувеличены, с целью показать право на большую площадь, а иногда и преуменьшены в тех случаях, когда приходилось фактически доплачивать за излишнее против освобожденного от налога пространство посева.

В архивных материалах часто встречаются расходные статьи, подобные следующим:

1. „Выдали (мы) еще миру Софи в подкуп (*Կաշառք*) пять туманов (за то), что он лишне обмеренную часть наших полей вычеркнул (из списков)“.

(Архив, папка I, док. 27, стр. 26).

2. „Выдали также музмену в подкуп девять туманов, чтобы он не подсчитал наших садов и не обмерял наших полей. 24 августа 1757 г.“.

Сопоставляя цифры, приведенные в „Джамбр'е“, мы видим, что площадь засеваемой земли, освобожденная от налогов, доходила до 1500 сомаров (375 га), а посевная площадь, определенная „мирвеизами“ Надир-шаха, — до 66 халваров (165 га); во время католикоса Симеона Ереванци посевная площадь доходит до 75 халваров и 25 литров (225,6 га).

Надо полагать, что сюда не входили те земли, которые Эчмиадзин отдавал в обработку крестьянам на началах арендных и на издольщине (*Կարովաշ, Կարտր, Զորերտար*).

Основанием для такого предположения может служить то, что, по сведениям же из „Джамбр'а“, пространство принадлежавших монастырю пашень равнялось приблизительно 250 халварам (625 га), что даже при трехпольной системе могло бы давать более 400 га ежегодной посевной площади против приведенной 225,6 га.

По сведениям И. Шопена, в годы завоевания Ереванской области Россией Эчмиадзинскому монастырю принадлежало 150 халваров (375 га) пахотной земли, из которых ежегодно засевалось обыкновенно 103 халвара.

Это также показывает, что собственная посевная площадь Эчмиадзина постепенно росла.

Сельско-хозяйственные культуры Какие сельско-хозяйственные культуры разводились в эчмиадзинском хозяйстве?

культуры. Надо отметить, что почвенно-климатические условия позволяли здесь разводить большое разнообразие культур при одном только необходимом условии, а именно при искусственном орошении.

Достаточно долгий вегетационный период (с марта по ноябрь), большое обилие солнечных дней и богатая плодородная почва создавали благоприятные условия для разведения высокоценных волокнистых (хлопок, лен) и масляных (лен, кунжут, генагерчак) культур, хлебных злаков (пшеница, рис и др.), а также всевозможных садовых и огородных культур. Особо нужно отметить множество виноградных сортов как столовых, так и винных.

Все эти культуры, в особенности рис, требуют большого количества воды. Между тем количество годовых атмосферных осадков для всей Араратской равнины, как указано выше, равняется в среднем 318 мм, что совершенно недостаточно для какой бы то ни было из вышеперечисленных культур.

Вот почему вопрос оросительной воды является вопросом жизни для всей Араратской равнины.

Как сказано выше, эчмиадзинские католикосы „много труда и денег“ приложили для проведения оросительных каналов и для выведения наружу подземных сточных вод („канканы“), а также для сооружения искусственных водохранилищ. Все эти мероприятия давали возможность им шире и рациональнее использовать имеющиеся в их распоряжении земельные угодья, а также держать в зависимости от себя вагаршалатских крестьян, пользовавшихся водою из тех же оросительных каналов и канав.

И. Шопен приводит следующую примерную таблицу засеивания посевной площади Эчмиадзинского монастыря в 1829 г. под разные культуры. Из 103 халваров посева:

Пшеницы	40 халваров
Ячменя	10 . . . . .
Проса	15 . . . . .
Чалтыка	14 . . . . .
Хлопчатой бумаги	3 . . . . .
Льняного семени	4 . . . . .
Кунжута	4 1/2 . . . . .
Бостанных	1 . . . . .

Полбы.	2 $\frac{1}{2}$	халвара
и разных огородных ово- шей, как-то: свеклы, го- роха, чечевицы, капу- сты, лука, чесноку, мор- кови, горчицы и проч.	5	"
<hr/>		
Итого. . .	103	халвара ¹

Как видно из таблицы, преобладающее место занимают хлебные культуры, которые составляют 65 халваров, а вместе с чалтыком 79 халваров, что составляет 77% всех посевов, затем масляные культуры — 8 $\frac{1}{2}$ халваров (8%). Значительное место занимают огородные и ботанные (арбузы, дыни и пр.) культуры — 6%. Сравнительно мало пространства отведено под хлопок — всего 3%.

Из хлебных злаков засеивались: пшеница, ячмень, просо и чалтык.

Первое место всегда занимала пшеница, которая составляла главный продукт питания населения.

Бросается в глаза значительная посевная площадь под просо (*горбы*), которая превышает даже площадь под ячмень.

Просяной хлеб употребляла самая бедная часть населения. Здесь, вероятно, просо шло на питание рабочим, так как ни духовенство, ни богомольцы не употребляли такого хлеба.

Особое значение имел чалтык. Разведение этого злака требовало больших работ от крестьянина и, что важнее, большое количество воды. Один халвар земли, занятый чалтыком, требует столько воды, сколько десять халваров, засеянных пшеницей или просом. Потому чалтык разводился, обыкновенно, в болотистых местах. Из

---

¹ И. Шопен. — „Историч. пам.“, стр. 680.

В приведенной таблице у И. Шопена, повидимому, вследствие пропуска или опечатки, „Итого 103 халвара“ не соответствует действительному итогу статей, составляющих сумму — 98 халваров. Ввиду невозможности исправления мы привели таблицу без изменения текста.

чалтыка вырабатывается рис, который, как известно, считается весьма ценным хлебным продуктом у азиатских народов.

Эчмиадзинский монастырь при общей маловодности считал возможным даже в Вагаршапате разводить чалтык, который шел не только на собственное употребление, но и в продажу в Баязет, в Карс и другие места.

Из огородных культур разводились: стручковые разных видов — горох, чечевица, лоби, бакла, маш, бамия; из корнеплодов — свекла, морковь, лук; из других — баклажаны (սորխիջուկ), горчица и проч.; из ботанных — арбузы, дыни (,дугма"), огурцы и проч.

Среди огородных культур бросается в глаза отсутствие картофеля.

Надо отметить, что в XVIII столетии эта культура была неизвестна в Ереванском ханстве и вообще в Закавказье. Картофель начал разводиться здесь только с завоеванием этого края Россией.

„Из овощей — репа и браунколь здесь еще неизвестны. Картофель только что начинает разводиться в огородах линейных батальонов, но жители еще не постигли благодатной пользы сего подспорья хлеба" — пишет И. Шопен.

Судя по расходным книгам Эчмиадзина за вторую половину XVIII века, по которым среди полевых рабочих большое место занимают рабочие по прополке хлопчатника, а также имея в виду, что в торговле Эчмиадзина с Карсом, Баязетом и другими соседними с Ереванским ханством областями хлопчатая бумага занимала немаловажное место, надо полагать, что в исследуемый нами период, и в особенности во второй половине XVIII столетия, хлопководство в эчмиадзинском хозяйстве занимало значительно большее место, чем это мы видим в приведенных И. Шопеном цифрах. Так, имея в виду, что в 1750 году количество рабочих только по прополке хлопка составляет 764 рабочих дня, считая на халвар в среднем 80 рабочих дней, нужных для прополки, приходим к заключению, что

в этом году посевная площадь хлопка составляла приблизительно 10 халваров.

Сокращение площади хлопка в первой половине XIX века может быть объяснено тем, что:

„При управлении сардара Гуссейн хана никто из поселян и беков не смел сбывать хлопчатой бумаги в посторонние руки, а обязан был продавать ее самому сардару по 1 руб. серебром. Так как при этом было множество притеснений, то жители не старались о распространении плантационной бумаги“.¹

Весьма вероятно, что это ограничение сардар распространял и на Эчмиадзинский монастырь, между тем как в XVIII столетии, в особенности до сардарства, таких ограничений не было. Во время католикоса Симеона (1763 — 1780 г.) даже сам монастырь закупал и продавал хлопок или комиссионно исполнял поручения карсских и эрзерумских пашей по закупке и доставке хлопка.

В полеводстве преобладала трехпольная система. Из вышеприведенной таблицы видно, что Эчмиадзин из своих 150 халваров земель ежегодно засеивал около 103 халвара, т. е. $\frac{2}{3}$, а $\frac{1}{3}$ оставалась под паром.

Удобрялась незначительная часть земель, преимущественно из ближних от монастыря участков, предназначенных под огороды и под разные технические культуры. Удобрением служили зола и, частично, навоз, так как большая часть навоза шла под топливо в виде „кизяка“ (*«ш-ршр», «дшш»*); этот вид топлива был очень распространен на Араратской равнине ввиду безлесности края.

Земледельческие орудия были примитивные, большею частью изготовленные в самом хозяйстве.

Пахота производилась плугами (*«пшшш»*) и сохами (*«шшр»*).

¹ „Обзорные российские владения за Кавказом“, СПб., 1836 г., стр. 280—281.

Распашка плугом производилась осенью для озимых посевов.

И. Шопен описывает эту работу следующими словами:

„Распашка плугом—работа тяжелая. К огромному безобразному плугу запрягают иногда до 14 пар быков и буйволов. Четыре человека беспощадно понуждают этих животных, а пятый—управляет плугом. Открываемые борозды широки и глубоки, и подпочва, несколько рыхлее самой почвы, совершенно переворачивается наверх. Таким плугом в день распахивается около десятины земли“.¹

Сохою распахивались обычно земли под посев яровых хлебов. Она запрягалась одной или двумя парами быков или буйволов.

Вслед за пахотой шла бороньба. Эта работа производилась после сева хлебных злаков до сева хлопчатника. Орудием для бороньбы служила борона. Это тоже—громоздкое земледельческое орудие, в которое запрягаются 4—6 пар быков или буйволов.

„Борона заменяется иногда целым деревом с ветвями и сучьями, которые возят взад и вперед по осеменной пашне“.²

После бороньбы шло огряжение (*шрхнублр*), т. е. через особое земледельческое орудие, называемое „маркос“ (*шрхнн*, *шрхну*). Маркос представляет собой изогнутую железную лопатку с широким лезвием, в форме параллелограмма. „Маркос“ служит для образования канав в грядах для протока воды при орошении.

При поливке употребляется особый вид лопатки (*ршс*), а для прополки—особое орудие вроде цанки (*аршршннлршр*, *аршрлшш*).

Из жатвенных орудий упомянем серп и косу. Хлеб жали, главным образом, серпом, а коса употреблялась преимущественно на сенокос.

¹ И. Шопен. — „Историч. пам.“, стр. 737.

² Там же, стр. 738.

На молотье употреблялись „кам“-ы.

„Кам“ — это молотильная доска, состоявшая из одной цельной доски или же из двух половинок. „Кам“ имеет форму равнобедренного треугольника с несколько выгнутой кверху и усеченной вершиной, соединяющейся посредством веревки или цепи с ярмом. Нижняя часть „кама“ подбивалась мелкими кремневыми камешками. При молотье в „кам“ запрягали пару быков или буйволов, которые тащали его по колосьям, разбросанным толстым слоем на току; вследствие этого из колосьев выбивались зерна, а солома растиралась в смяти. „Кам“-ом управлял мальчик-погонщик, стоя на нем.¹

Надо отметить, что вследствие отсутствия на месте производства железа и стали материалом для изготовления земледельческих орудий служили крепкие породы дерева. Привозное железо, главным образом, из Турнии и Грузии стоило дорого. Достаточно указать, что стоимость одного лемеха плуга (*пиф*) равнялась во второй половине XVIII столетия 7000 динарам. За такую сумму можно было купить хорошего рабочего вола или буйвола. Простая лопата стоила в 1763 году 800 динаров, за что можно было купить по ценам того же года 8 литров (40 кг.) пшеницы или 16 литров (80 кг.) ячменя.

Эчмиадзинский монастырь большую часть своей потребности в железе, в крепких породах дерева и в других материалах для изготовления земледельческих орудий покрывал посредством „ивиракских сборов“.

Так, в 7-й главе „Джамбр‘а“ автор приводит перечень ивиракских округов с указанием того, что собиралось по каждому округу. Здесь мы читаем:

„5. Лори, Казах и Бамбакадзор с окрестными своими селами, откуда берет (св. престол) деревянные лопаты, чанаги (деревянные миски), доски, разного вида железо и тому подобное...“.

¹С. П. Зеленин и др. — „Объяснительный словарь“..., стр. 119—120.

Рабочий скот. Рабочий скот состоял из быков и буйволов. Лошадью пользовались лишь для верховой езды и для перевозки вьючной клади, а не для упряжи. По этому поводу у Шопена мы встречаем:

„Проезжающий, имеющий собственный экипаж, должен оставить его в Масдаре, за неимением в Армянской области упряжных лошадей“.¹

Рабочая сила. Обладая большими средствами производства и возможностями, Эчмиадзин не имел в своем распоряжении в достаточном количестве постоянной рабочей силы.

Источником для доставки рабочей силы для собственного его сельско-хозяйственного производства служило крестьянство сел, принадлежавших ему на мулкадарском и тиульном праве, и аольнонаемные рабочие—пришельцы из разных местностей для работы сезонно или по дению. Этот контингент тоже большей частью состоял из крестьян, искавших себе дополнительных подработок для уплаты непосильных налогов. Бывало и так, когда Эчмиадзин при остром недостатке рабочей силы для полевых работ или какого-либо большого строительства посылал своих людей даже в соседние турецкие области (в Баязетский, Карсский, Ахалцихский пашалыки) для вербовки рабочей силы. В таких случаях вербовали целыми партиями. Их сопровождали эчмиадзинские стражники (*բիւնդար*). В расходных книгах монастыря встречаются статьи, подобно следующей:

„Нашим стражникам (*բիւնդար*) на расходы на дорогу при сопровождении рабочих в Баязет мы дали 2200 динаров (расходн. книга за 1800 г.).

Однако, основной контингент рабочих в эчмиадзинском хозяйстве состоял из монастырских сел, главным образом села Вагаршаната, принадлежавшего Эчмиадзину на тиульных правах.

Относительно обязанностей крестьян монастырских

---

¹ И. Шопен. — „Историч. пам.“, стр. 727.

сел И. Шопен пишет: ¹ „Жители обязаны были платить монастырю ¹, часть с урожая всех вообще произведений земли, давать рабочих людей за некоторую плату и подводы для перевозки с полей хлеба, сена и проч. безденежно. Во время жатвы каждое семейство высылало по одному жнецу, которому во время работы хлеб отпускался монастырский“.²

Отсюда вытекает, что часть сельско-хозяйственных рабочих, а именно жнецов, монастырь получал почти даром, если не считать отпущенного рабочим хлеба во время их работы.

Это сообщение И. Шопена относительно жнецов и перевозки с полей хлеба подтверждается также данными из приходо-расходных книг монастыря, где почти ежегодно при упоминании о расходах по жатве имеются статьи, подобные следующим:

„Даянду, носившему воду для жнецов, заплатил 150 динаров (1763 г.)“.

„Галусту, носившему хлеб для жнецов, выдал зарплату за 16 дней по 11 денег (*фирш*) (1750 г.)“.³

Но редко где бы говорилось о том, чтоб самим жнецам платили что-нибудь.

Ясно, что здесь мы имеем дело с одним из видов отработочной ренты, которую в виде повинности должны были нести крестьяне в отношении собственника земли, монастыря.

Весьма интересно, как эчмадзинское явление, другая повинность крестьян — „давать рабочих людей за некоторую плату“.

---

¹ Нижеприведенные слова И. Шопена в исследуемый нами период можно отнести только к сел. Вагаршапат, так как только это село принадлежало Эчмадзину на тиульвом праве, а остальные — на мулкадарском праве. Между тем как при Шопене все монастырские селения, о которых он говорит, были тиульные.

² И. Шопен — „Историч. пэм.“, стр. 681—682.

³ Там же, стр. 681—682.

Расширяя свое собственное хозяйство, Эчмиадзин наткнулся на одно существенное препятствие. Это — отсутствие собственной рабочей силы. Рабский труд в стране, по крайней мере в земледелии, не применялся. Крепостнические отношения, о которых более подробно будем говорить ниже, приняли в стране преимущественно форму „мулкадарских“ и „тиульных“ отношений, где обязанности крестьян в отношении к собственнику земли выражались в форме платежа ренты, преимущественно платимой натурой („бахра“, „мулк“) и деньгами, и только в незначительной доле в виде отработочных повинностей, как остаток когда-то господствовавшей формы отработочной ренты. Крестьянин — лично свободный юридически — не мог быть отнят от земли и превращен в безземельного слугу или рабочего по воле собственника земли. Между тем у Эчмиадзина, вследствие больших „двиракских сборов“, крупных завещаний от колониальных армянских купцов и других поступлений, имелось достаточно денежных средств, чтобы пускать их в оборот для найма рабочей силы и для развития своего хозяйства.

При низком уровне производственной сельско-хозяйственной техники крестьянин, имевший даже мелкое хозяйство, не мог обладать большим избытком свободного от своих полевых работ времени, чтобы предлагать свою рабочую силу на рынке для дополнительных подработок. При этом нужно иметь в виду, что все виды полевых работ имеют сезонный характер и для определенного места приурочены к определенному времени, так что крестьянину невыгодно оставлять свою работу и идти на наемную работу, если он не будет обеспечен большим заработком, чем он мог бы получить из своего собственного хозяйства.

Привыкшие к духовному и экономическому порабощению крестьянского населения, эчмиадзинские монахи в данном случае прибегали к хитрому сплетению двух противоречащих начал, а именно: принудительной работы

с „вольным“ наймом, с низким, но переменным размером зарплаты.

Еще невымершие остатки „барщины“ (*қона*)—отрабоченной ренты—могли бы служить предлогом для расширения прав монастыря—получать от крестьян рабочую силу в порядке внеэкономического принуждения, однако ограниченные возможности такого расширения вследствие резкого сопротивления крестьян принуждали монастырь заинтересовать крестьян и вербовать крестьян за плату. Это дало бы возможность придавать принуждению более смягченный вид.

Мы говорили, что собственное земледельческое хозяйство Эчмиадзина было сконцентрировано в районе села Вагаршапат, которое автор „Джамбр'а“ и в ряде других документов называет „наше село“ (*алыр қыоғу*). Вагаршапат принадлежал монастырю на тиульных правах.

„Тиульство, — пишет И. Шопен, — вообще предоставляло владельцу право непосредственно распоряжаться в пожалованной деревне, которая в то же время исключалась из окладных списков; затем, все сборы, все повинности с оной обращались в пользу владельца. Само собою разумеется, что сборы сии не могли превышать общего положения, существовавшего в прочих селениях, в противном случае жители, будучи не крепки на земле, бросили бы слишком жадного владельца и переселились бы в другое какое-либо место“¹.

Пользуясь правом „непосредственного распоряжения“ в с. Вагаршапате, Эчмиадзин назначал своих управляющих сезением и через них по наряду требовал нужное себе количество рабочих рук; вместе с тем, боясь ухода крестьян из деревни в случае чрезмерного притеснения, давал рабочим плату, придавая всему этому форму вольного найма.

В наряд попадала, главным образом, крестьянская

---

¹ И. Шопен. — „Историч. пам.“, стр. 928—929.

беднота, которая была принуждена работать за мизерную зарплату.

Крестьяне шли на такую работу не только неохотно, но зачастую протестовали. Дело доходило иногда до открытого неповиновения монастырской администрации.

Упоминания о таком неповиновении мы встречаем, хотя и не совсем в ясном виде, также в приходо-расходных книгах монастыря.

В одной рукописи, хранящейся в Госуд. Архиве в Вагаршапате, мы читаем следующее:

„Рабочих по плугу увели крестьяне; вместо них мы наняли 4-х рабочих по найму; в день по 2 шаи. Работали 36 дней: зарплату им выдали 3600 динаров. 18 апр. 1769 г.“.

Затем можно привести и другую статью: „Служащие, батраки и пастухи (наши) вышли на поле (собственно: *thirib qanir*, т. е. вне ограды монастыря) за сельчан; вместо них наняли мы (еще) рабочих. Выдали всем три тумана за 150 трудодней, по 200 динаров за день“¹.

Смысл этих статей мы поймем яснее, если вспомним, что, по принятому обычному праву, жатву монастырских полей производили крестьяне безвозмездно, в порядке повинности, о чем мы говорили выше.

В данном случае разумеется, что крестьяне по какой-то причине отказались выполнить свою повинность и потому пришлось монастырю жатву производить через посторонних, наемных работников, или же использовать своих же служащих и сезонных рабочих, выдавая им дополнительную плату.

Что действительно такие отказы от принудительной работы и неповиновение происходили, и нередко, тому в доказательство можно привести такие примеры из „Жизни Артемия Араратского“.

В этой книге, носящей автобиографический характер, автор описывает те бесчеловечные притеснения, которым

¹ Гос. арх. рукописей. Палка III, док. № 8.

подвергались вагаршапатские крестьяне со стороны Эчмиадзинского монастыря. Приведем один эпизод.

К матери автора, еще 10-летнего мальчика, заходит „гзир“ и от имени сельского старшины, назначенного монастырем, с руганью требует, чтобы она со своим сыном вышла на поле работать для монастыря. Бедная вдова со слезами на глазах просит хоть на один день отсрочить, но „гзир“, схватив ее за волосы, хотел потащить ее к старшине. Беспомощная женщина вышла из терпения, капкой (*Քաղցրահամ*) ударила по голове „гзира“ и поранила его. Дело дошло до управляющего именьями монастыря — монаха Галуста, который приказал избить непослушную до потери сознания. Окровавленную и потерявшую сознание женщину унесли домой, где она пролежала три месяца.¹

Однако, завербованные принудительным путем не могли покрывать растущую потребность Эчмиадзина в рабочей силе. Достаточно указать, что еще в 1750 году монастырь использовал только на полевых работах 8219 наемных трудодней поденных рабочих. К этому надо прибавить трудодни нанятых сезонно, количество которых доходило до сотни.

В 1800 году количество таких трудодней доходит до 10.000. В годы широкого строительства количество наемных трудодней доходит до 20.000 и более.

Приходилось вербовать рабочих также со стороны. Здесь уже, разумеется, по вольному найму.

По условиям найма и формам зарплаты сельскохозяйственные рабочие были: сезонные и поденные. Зарплата выдавалась натурой, денежно и смешанно, т. е. частично — натурой, частично — деньгами. Превалировала последняя форма.

Сезонные рабочие, большей частью пастухи-батраки (*Հասնող, Կարգիչ*), получали, кроме зарплаты деньгами, также питание и одежду. Одежда состояла из „чухи“, ша-

¹ Հայաստանի Հանրապետության Արտաքաղաքականության նախարարության հրատարակած Քրիստոսի Բրժ, 1893 թ., թ. 43—48.

ровар, головного убора (*q=—q*), азиатских чуст (*Abuqur*) или чарихи (лапти), сделанных из сыромятной кожи, и пояса. К этому добавлялось еще 20 „газ“-ов белой бязи (газ = 112 см.), из которой шили белье и архалуки; последние из крашеной обыкновенно в синий цвет бязи. Взамен одежды и обуви иногда, при желании рабочего, уплачивали стоимость их деньгами.

Так, например, в приходо-расходной книге монастырского завхоза-эконома за 1739 год читаем:

1. „Отдал 5 абасов рабочему Андриасу — цену за „эски“ (чусты), за пояс, за шаровары и за 20 „газ“-ов бязи“.

2. „Восемь абасов отдал рабочему Мкртичу, из Шагрнара, за прошлый год. 4 абаса отдал на „чуху“ и „гтак“ (фуражку)“.

Зарплата выдавалась по частям в два срока, весной и осенью.

Поденные рабочие нанимались двояко: „с питанием (*Abuqur* *Amgudur*)“ и без питания“, т. е. питание за свой счет (*Amgudur* *Amgudur*). В последнем случае денежная часть зарплаты бывала $1\frac{1}{2}$ — 2 раза больше, чем в первом.

Так, например, в приходо-расходных книгах (1785 г.) читаем:

1. „Копателей садов (наших) в Ошакане было 253, из которых 88 были курды. (Им) по 7 пара. 165 были (крестьяне) из того же села, питание за наш счет — по 2 шаи“.

2. „Копателей трех (наших) садов в Аштараке было 105 душ. „Хошкамузд“ (питание за свой, т. е. рабочего, счет) один абас в день“.

Существовала и сдельная зарплата. Эта система обыкновенно применялась при сборах урожая (хлеба, винограда, хлопка и пр.).

В таких случаях платилась натурой определенная часть ежедневного сбора. По сведениям И. Шопена, „часть эта была с пшеницы и ячменя — $\frac{1}{10}$, а с чайтыка и хлопчатой бумаги $\frac{1}{20}$ часть“.¹

¹ И. Шопен. — „Историч. пам.“, стр. 1131.

Для более конкретного представления о размере и движении зарплаты сельско-хозяйственных рабочих за вторую половину XVIII столетия приводим следующие две таблицы:

Таблица I.

Движение зарплаты основных групп сельско-хозяйственных рабочих в хозяйстве Эчминадзинского монастыря во второй половине XVIII столетия.

(Зарплата вычислена в динарах).

	Группы рабочих	Г о д ы		Рост в %	Примечание
		1743 г.	1800 г.		
1.	Рабочие по огряднению (<i>ჭარქანიანთა</i>)	45	200	444	1) о мерах данны, веса и денег см. в приложении № 1.
2.	Копатели и обрезаватели (<i>ჭარქანიანთა და ხეჩრეხნიანთა</i>)	45	200	444	
3.	Провольщники (<i>ჭარქანიანთა</i>)	35	100	289	
4.	Рабочие-подростки (<i>ქალი ბავშვნი და მამაკაცი ბავშვნი</i>)	20	50	250	

Таблица II.

Движение цены основных продуктов потребления во второй половине XVIII столетия.

(Цены вычислены в динарах)

	Названия продуктов	Единиц измер.	Г о д ы		Рост в %	Примечание
			1743	1800		
1.	Пшеница	1 литр	80	200	250	О мерах данны, веса и денег см. в приложении № 1.
2.	Ячмень	"	50	100	200	
3.	Р и с	"	175	600	360	
4.	Масло	"	1200	3000	250	
5.	Мясо (говядина)	"	100	300	300	
6.	Бязь (<i>ბაზი</i>)	1 газ	40	75	188	

Приведенные таблицы дают нам возможность делать некоторые выводы.

Прежде всего бросается в глаза слишком низкая зарплата по всем группам рабочих, а в особенности женщин и подростков.

В 1743 году дневная зарплата основных групп сельскохозяйственных рабочих составляет 40—45 динаров. Реальное значение этой зарплаты равно 1 „литра“ (2,5 кг.) пшеницы или 1 „литр“ (5 кг.) ячменя, или 1,3 „газа“ (1,5 метра) бязи.

В 1800 году дневная зарплата номинально поднимается до 200 динаров, т. е. в 4,5 раза больше, чем зарплата в 1743 году. Однако, реальная зарплата поднимается значительно медленнее, так как цены основных продуктов также поднимаются. За 200 динаров в этом году можно было купить: 1 „литр“ пшеницы или 2 „литра“ ячменя, или 2,7 „газа“ бязи. Следовательно, реальная зарплата рабочего за 57 лет повысилась, приблизительно, лишь в 2 раза.

Повышение зарплаты можно объяснить тем, что недостаток в рабочей силе, в особенности в мужской, чем дальше, тем острее ощущался, тем более что при низком уровне техники и при господствовавших правах труд мужской невозможно было заменять трудом женским или трудом подростков. Этим объясняется также сравнительно низкий рост зарплаты женщины и подростков, наблюдаемый в таблицах.

С другой стороны, на повышение зарплаты безусловно повлияла также борьба крестьян против монастыря, о которой мы говорили выше.

Несмотря на увеличение зарплаты, в конце XVIII столетия уровень ее далеко отстоит от стоимости рабочей силы.

„Стоимость рабочей силы определяется, — говорит К. Маркс, — стоимостью средств существования, требующихся для того, чтобы произвести, развить, поддержать и увековечить рабочую силу“.¹

¹ К. Маркс. — „Заработная плата, цена и прибыль“, (см. Избран. произв., в двух томах. Партизд. 1938 г., т. 1, стр. 236).

Как сравнительные таблицы, так и вышеприведенные статьи из расходных книг монастыря относительно зарплаты рабочих „с питанием за счет нанимателя“ и „с питанием за счет рабочего“ явно доказывают наш тезис.

Зарплата рабочего, нанятого „с питанием за свой счет“ (*с питанием за свой счет*), больше зарплаты рабочего, нанятого „с питанием за счет монастыря“, лишь на 50%. Это значит, что рабочий своим заработком мог питать (и только питать), кроме себя, еще $\frac{1}{2}$ человека, и только лишь в том случае, если он смог бы работать круглый год, без отдыха, что явно невозможно. Следовательно, своим заработком он мог бы еле содержать только себя, поддерживать только свое физическое существование. Ниже этого предела зарплата спускаться не могла.

„Низшую, или минимальную, границу стоимости рабочей силы образует стоимость той товарной массы, без ежедневного притока которой носитель рабочей силы, человек, не был бы в состоянии возобновлять свой жизненный процесс, т. е. стоимость физически необходимых средств к жизни. Если цена рабочей силы падает до этого минимума, то она падает ниже стоимости, так как при таких условиях рабочая сила может поддерживаться и проявляться лишь в хиреющем виде“.¹

Естественно, при таких условиях добровольно могли бы идти на работу лишь одиночки или находившиеся в крайне безвыходном положении, лишенные земли и крова люди. Имевший свое хозяйство, хоть и мизерное, крестьянин добровольно не пошел бы работать на таких условиях. Этим и объясняются принудительные мероприятия монастыря в отношении вагаршалатских крестьян для привлечения их на работы для монастыря.

Считаем нелишним отметить, что широкое применение наемного труда, в особенности оплачиваемого деньгами, не являлось характерным явлением в производствен-

¹ К. Маркс. — Капитал т. I, издание Партизд. ЦК ВКП(б) 1937 г., стр. 165.

ных отношениях в Ереванском ханстве XVIII века. Оно не характерно также ни для Ирана вообще, ни для соседней Грузии того времени.

В исследуемый нами период в Ереванском ханстве не наблюдается также существование таких крупных латифундциальных хозяйств, как эчмиадзинское хозяйство. Правда, некоторые мулкадары, жившие в деревнях, имели собственные посеы и сады, но те были небольших размеров и служили лишь для личных потребностей. Крупнейшим хозяйством в ханстве являлось лишь хозяйство сардара, но и здесь лишь изредка применялся наемный труд. Сельско-хозяйственные работы в этом хозяйстве выполнялись крестьянами по наряду в виде отработочных повинностей.

Виноградарство

Наряду с полевыми культурами в эчмиадзинском хозяйстве значительное место занимало виноградарство и связанное с ним виноделие.

Эчмиадзин владел обширным пространством садов не только в пределах сел. Вагаршапат, но и других сел и городов как Ереванского ханства, так и вне его пределов— в Тавризе, в Грузии.

Автор „Джамбр'а“ приводит длинный перечень садов, принадлежавших эчмиадзинскому престолу, с подробными сведениями о том, каким образом они были приобретены. Но, к сожалению, он не дает сведений об их пространстве, доходности и пр.

По сообщению И. Шопена, при завоевании Армянской области (1828 г.) Эчмиадзин владел 21 садами в селениях: Вагаршапат, Аштарак, Ушаган (Ошакан), Шир-Абад и в городе Ереване, общим пространством в 207 халваров (517 га).

В „Джамбр'е“ упоминаются еще сады в сел. Паракар, в 10 километрах от Эчмиадзина, а также в сел. Шулаверы (Грузия) и в гор. Тавризе. Для тавризских садов католи-

косом Александром Джугасци (1706—1714 г.) были куплены оросительные воды из канала „Сенд-Мирим-Кягризы“ и др.

Уход за садами поручался так называемым „катепан“ам (садовникам), которые получали зарплату или деньгами, или натурой—в размере определенной доли урожая сада.

Сады были преимущественно виноградные, но в них имелись также плодовые деревья: абрикосы, персики, сливы, яблони и проч.

Из винограда готовилось вино, которое славилось в свое время. Но И. Шопену, из садов Эчмиадзина готовилось ежегодно 240 кувшинов (по местному—„карас“) вина. „Карас“ содержит около 40 ведер вина. Таким образом, ежегодно в эчмиадзинском хозяйстве готовилось 9600 ведер вина.

Вино шло большей частью на внутреннее монастырское употребление.

В архивах монастыря сохранилась расходная книга заведующего „шираханой“ (винным погребом) за несколько лет 60-ых годов XVIII столетия.

Согласно этой книге, за 1761 год расход вина, водки и уксуса представлял следующую картину:

Вина	было	расходовано	—	141	карасов	11	литров	3,5	чареков.
Водки	.	.	—	9	.	18	.	1,5	.
Уксуса	.	.	—	2	.	2	.	—	.

Из этого количества было продано за деньги 30 карасов и 3,5 литра вина, что составляет 20% всего расхода вина; водки продано только 1 литр и 2,5 чарека и уксуса— 2 караса.

Главными потребителями вина и водки являются свикатоликос и монахи, а затем— богомольцы и рабочие—мастеровые.

Надо отметить, что эчмиадзинское винодельное хозяйство было самым крупным в Ереванском ханстве. Как известно, по мусульманскому шариату потребление вина

запрещается правоверному мусульманину. Потому мусульманское население не занималось этим промыслом. В мусульманских садах разводились исключительно столовые сорта винограда. Правда, высшее общество—ханы, беки и т. п., вопреки законам, употребляли вино и водку, но эти исключения не могли стимулировать виноделие. Экспорт вина, ввиду транспортных неудобств, также не наблюдается, если не считать единичных случаев посылок в подарки.

Скотоводством как отдельной отраслью хозяйства монастырь не занимался. Скот держался исключительно для внутреннего потребления. Кроме некоторого количества рогатого скота, преимущественно волов, буйволов, рабочего скота, монастырь держал также коров и овец.

По данным из „Джамбр’а“, количество мелкого рогатого скота не превышало 600 голов. Имелись также верблюды и лошади, служившие перевозочным средством.

Такой незначительный размер скотоводства объясняется тем, что Эчмиадзин не имел достаточного пространства лугов и пастбищ. Вообще в равнинной части, и даже в предгорной, б. Ереванского ханства, где земли орошаются и годны для разведения хлебных и высокоценных культур, редко где можно найти значительные пространства лугов и пастбищ.

Особенно трудно было Эчмиадзину содержать скот в стойлах в долгое зимнее время. Для этого нужно было запастись большим количеством сена. Ограниченные посевы кормовых трав, вроде „нонджи“, еле хватало на содержание части рабочего скота и дойных коров. Остальной скот монастырь посылал обыкновенно в деревни, богатые сеном, поручая кормежку общинам взамен церковных сборов.

Промышленные предприятия

„При собственно натуральном хозяйстве,—говорит Маркс,—когда сельскохозяйственный продукт совсем не всту-

пает в процесс обращения или вступает в него лишь очень незначительная часть этого продукта и лишь сравнительно незначительная доля даже той части продукта, которая представляет доход земельного собственника, — продукт и прибавочный продукт крупных имений состоит отнюдь не только из продуктов земледельческого труда. Он охватывает также и продукты промышленного труда. Домашний ремесленный и мануфактурный труд, как подсобное производство при земледелии, образующем базис, является условием того способа производства, на котором покоится это натуральное хозяйство как в древней и средневековой Европе, так еще до настоящего времени и в индийской общине, где ее традиционная организация еще не разрушена¹.

Промышленные предприятия Эчмнадзина на фоне натурального хозяйства не могли не носить такого подсобного ремесленного характера, заключающегося в домашне-кустарной, простой и первичной обработке сельско-хозяйственного сырья.

Ремесленная техника стояла на низком уровне. По этому поводу И. Шопен, хотя и с некоторым преувеличением, пишет:

«Ремесла в здешнем, полудиком еще крае напоминают на каждом шагу то время, когда человек, только что постигший пользу общественной жизни, оставил леса свои и пещеры и ошупью приступал во всем с неудачным еще опытом. Донные здешний ремесленник, без станка, без инструментов, действуя руками и ногами, с неимоверными усилиями над самым неудачным изделием, не подозревает даже, что можно то же самое сделать с меньшими трудами и несравненно лучше»².

Несмотря на обширные связи Эчмнадзина со всеми концами Европы и Азии, хозяйственно-бытовой уклад его

¹ К. Маркс. — Капитал, т. III, изд. Партиздата ЦК ВКП(б) 1936 г., стр. 692.

² И. Шопен. — «Историч. пам.», стр. 242.

мало чем отличался от современного ему крупного помещичье-ханского.

Все предметы потребления, за исключением привозимых из заграницы церковного богатого убранства и одеяний католикосов и высшего духовенства, приготовлялись в самом хозяйстве монастыря или, по его заказу, на его же сырье сельскими ремесленниками.

В хозяйственных отчетах, хранящихся в эчмиадзинском архиве, очень часто мы встречаем выражения следующего порядка:

«մնին շինել հտու», «սէկ շինել հտու», «չաքում կարել հտու», «պարանադու մանել հտու», «ձուպան գործել հտու», «կաշի շինել հտու զոմշի վան մաշկի», «բամբակ դգել հտու կորդանի միջդուի», «նալա տոի բան հտու վան համախաղուի», «տախտակ քաշել հտու իիգարով վան սելի համար», «կրակ ներկել հտու», «շիթ դանել հտու» և ըն.:

Эти выражения, как нельзя лучше, указывают на замкнутость и самодовлеющий характер эчмиадзинского хозяйства.

Из кустарно-промышленных предприятий более крупного размера нужно упомянуть следующие: мельницы, „двиги“ (рисочистильни), „чрехи“ (хлопкочистильни), „данихана“ и „лзитаханки“ (маслобойни растительного масла, первое — для выжимки масла из кунжута, второе — из льна).

Мельницы, рисочистильни и хлопкочистильни приводились в движение силою воды, а маслобойни — силою быков или буйволов.

Интересны конструкции этих примитивных „заводов“, описание которых мы приводим из „Историческ. в. . .“ И. Шопена.

Мельницы. „Устройство мукомольных мельниц чрезвычайно простое: жернов поставлен на вертикальной оси, в нижней части которой приделаны крылья в виде спиц каретного лежачего колеса без обода; вода, падая из деревянного желоба, ударяет в эти спицы, или крылья, и жернов вертится. Смотря по силе воды,

жернова бывают большие и малые; большие могут перемалывать по халвару (7,5 тонны — Б. А.) и более в сутки, а малые — от 15 до 20 батманов (от 75 до 100 кгр. — Б. А.). Чалтычные ступы (рисочистильни) служат для переделки чалтыка в сорочинское пшено.

Сначала чалтык, похожий в естественном виде на ячмень, пропускается под легкий мукомольный жернов, сдирающий с него верхнюю шелуху; затем его переивают и, отделив мякину, насыпают зерна в большие каменные ступы, где беспрестанно ударяющие деревянные песты трут зерно и очищают его от последних остатков наружной шелухи. Песты эти прикреплены к полу посредством шпалеров, в виде молотков; горизонтальная ось, приводимая в движение водой, задевая зубцами концы этих пестов, поднимает их, после чего они всю тяжестью своею ударяют в ступы; по окончании этого действия сорочинское пшено опять проивается и под названием *приндж* (*prindz* — „бриндз“ = рис) отпускается, уже совершенно готовое, из мельниц. Лучшего пшена получается из халвара чалтыка полхалвара, а худшего — до 60 батманов.

Устройство этих заводов весьма просто: Маслобойни. базальтовый или из песчаника жернов, приводимый вертикально в круговращение парюю быков или буйволов, мнет масличные зерна, а тесто выжимается в особом прессе посредством огромного деревянного винта.

Масло готовится двух родов: льняное и кунжутное; льняное в большом потреблении, и лен сеется исключительно для масла; кунжутное же выделяется только в некоторых деревнях, но в особенности в Эчмиадзине (подчерки; то мною — Б. А.), где оно по тщательности приготовления имеет отлично приятный вкус, не уступая лучшему оливковому.

Вообще, круглым счетом полагать можно, что каждый завод заготавливает ежегодно до 1500 батманов масла (7,5 тонн).

На батман масла полагается круглым счетом по 4 батмана зерна¹.

Из прихода-расходных книг монастыря видно, что кунжутное масло (*շրրրրրր*) ценилось наравне с коровьим маслом и вдвое дороже льняного.

Количество вышеприведенных промышленных предприятий, принадлежавших Эчмиадзину, постоянно менялось, то увеличиваясь, то уменьшаясь, вследствие частых разорительных войн и избегов.

Согласно налоговой переписи, произведенной финансовыми агентами („мирвензами“) Надир-шаха в 1148 году хиджры (1736 г. н. э.), Эчмиадзин владел: 10 мельницами, из которых 7 в Вагаршапате и 3 в Ереване, 3-мя маслобойнями, из которых 2 в Вагаршапате и 1 в Ошакане, и 4-мя чалтычными ступами (*դրնի, քրրրր*), 89 лавочными помещениями (*դաս ընտն*) в Вагаршапате и собственном каравансарае и 1 баней.²

Разумеется, что эти заведения не только обслуживали Эчмиадзин для переработки собственного его сырья, но и крестьян окрестных деревень, за что Эчмиадзин получал определенную плату натурой.

Значительное место в промышленном производстве Эчмиадзина занимало производство свечей, шедших главным образом на освещение церквей и других молебных мест. Каждый богомолец, по обычаю, должен был купить свечки, — разумеется по тройной, четверной стоимости, и собственноручно зажечь и поставить перед образом „святого“.

Свечное производство не только обслуживало близлежащие районы Эчмиадзина, продажа эчмиадзинских свечей шла далеко за пределы Ереванского ханства.

Надо отметить, что в технике производства свечей, в частности обелениеч (*սուրճանի արտադրանքի դրնի*), Эчмиадзин славился еще в начале XVII века.

¹ И. Шолех. — „Историч. вая.“, стр. 861—865.

² *ՆՆՆՆ*, стр. 145.

Историк Аракел Даврижеци (ум. 1670 г.) рассказывает, как иранский шах Аббас I (Великий), узнав, что один из вардапетов (архимандритов) Эчмиадзина, Мовсес, умеет белить свечи, вызвал его к себе и приказал ему обучить троих из ханских слуг этому, до того неизвестному в Иране искусству. По выполнении шахского приказа вардапет Мовсес стал любимцем шаха, был назначен „дсарар“-ом Эчмиадзина, а впоследствии, когда он стал католикосом, был покровительствуем как шах Аббасом, так и его преемником—шахом Софи.¹

Белые свечи, приготовляемые в Эчмиадзине, ценились очень высоко и служили предметом дорогих подарков высокопоставленным лицам. В дневнике (*«Յրագրատեղաբան»*) Симеона Ереванци нередко встречаются упоминания о том, как он посылал карсскому, эрзерумскому и другим пашам по несколько штук белых свечей в подарок.

„Написал его святейшество теперь (16 декабря 1765 г.) письмо карсскому новому паше..., которому послал в подарок 100 литров сыру, 7 свечей и розовой воды“.²

Свечи желтые (восковые), в виде полуфабриката для изготовления дорогих „белых свечей“, Эчмиадзин получал главным образом из Тбилиси, где „эснаф“ свечников имел постановления своего цеха о ежегодном сборе в своей среде свечей для Эчмиадзина.

В том же „Дневнике“ Симеона Ереванци по этому поводу читаем:

„По благопряданному канону св. престола, послал его святейшество вардапета Агарона из Елэгнадзора в Тифлис с кондаком для сбора (*ժողովարարութեան հանձնարար*), чтобы, поехав туда, собирать от народа свечи, согласно постановления их прелков, и привезти с собою в св. Престол“.³

¹ Արակել Դավրիճեցի— «Գրականություն», Կոպ. 1896, стр. 299—309.

² «Յրագրատեղաբան», Գրք Գ, стр. 362.

³ Նույն, Գրք Գ, стр. 183. Ср. там же, стр. 230.

Из остальных предприятий особо нужно отметить типографию и бумажную фабрику.

Эчмиадзинская типография была основана в 1777 году католикосом Симеоном Ереванци (1763—1780 г.), автором „Джамбр'а“, на средства богача Григория Микаелян Ходжаджанян-Чакикенц, проживавшего в Индии. Это была вторая типография в Закавказье и первая в иранском государстве.

В типографии печатались главным образом книги духовного содержания и, в первую очередь, имевшие практическое применение: справочники, календари и т. п.

Напечатанные книги обыкновенно рассылались церквям, знатым духовным лицам и богачам-армянам, за что Эчмиадзин получал значительные подarki и дарения от последних.

В „Дневнике“ Симеона Ереванци мы читаем:

„Так как его святейшество рассылал во все страны новопечатанный календарь, потому и в Индию послал как для церквей тех стран, так и для особых лиц. По этому поводу он написал поручительные *(պարտաբերական Կոնդակներ)* кондаки и письма в те страны. Вместе с этим (он написал) и о разных обстоятельствах“.

Затем перечисляются места, куда и кому послал католикос календари. В числе их упоминаются: Багдад, Басра, Бендер-Бушир, Бендер-Абис, Мадрас, Лагор, Рангоу и др.

Этот перечень показывает, в какие дальние страны шли печатные издания эчмиадзинской типографии.

Типография могла бы работать лишь в том случае, если ее можно было обеспечить бумагой. При отсутствии удобных средств сообщения слишком трудно было привозить бумагу из Европы или из Ирана.

Поэтому Симеон Ереванци принялся за строительство небольшой бумажной фабрики. Средства на это отпустил тот же самый Григор Ходжаджанян-Чакикенц. Построив помещение, Симеон выписал необходимое оборудование и мастеров из заграницы, так как приглашенные из Ирава

мастера по изготовлению бумаги не смогли справиться с делом. С большим трудом и расходами удалось пригласить двух французов, которые должны были наладить дело и обучать несколько человек из вчхнадзникской братии своему искусству. Однако, французы подводят Симеона. Два года затягивают дело, создавая искусственно всевозможные затруднения, сопряженные с большими расходами. Симеон преодолевает все, но дело все же так и не налаживается. Тогда католикос, разгневанный, приказывает принести „фалахку“ и наказать обманщиков-французов. Устрашенные пыткой, французы признаются в обмане и заявляют, что они поклялись никого не обучать своему искусству. Однако, когда католикос грозит пыткой через „фалахку“, французы обещают в течение 6-ти месяцев выполнить порученное им задание.

В результате всего этого удается наладить дело производства бумаги, для чего имелись налицо все условия и, что самое необходимое, хлопчатая бумага, как сырье. На бумажную фабрику расходуется 7.800 туманов денег (78.000 руб.), что целиком берет на себя Григор-ага Ходжаджанян-Чакикенц.

Симеон посылает своему меценату 4 листа приготовленной на своей фабрике хорошей бумаги в доказательство того, как увенчались успехом его труды. Григор-ага сейчас же переводит с английского языка на армянский 5 образцов векселей и посылает Симеону для печатания в типографии и обратной посылки ему же. Симеон с благодарностью выполняет его просьбу.

Отсюда ясно, какую практическую цель преследовали колониальные армяне-купцы, когда они вкладывали значительные суммы на культурное строительство своей родины.

Как типография, так и бумажная фабрика во время католикоса Симеона Ереванци были в цветущем состоянии, но во время его преемника, католикоса Лукаса, вследствие войны и опустошений в крае фабрика была разруше-

на, а типография в обновленном и реконструированном виде продолжала существовать до 1931 года.

Кроме промышленных предприятий, Эчмядзин владеет также большим каравансараем, находившимся в с. Вагаршазете. Количество лавок в каравансарае было 89 при налоговом обложении Надир-шахом. Они сдавались в аренду частным лицам. В приходных книгах монастыря часто встречаются записанные в приход суммы «ի կողմանի մեր քար-վանդարային» (за счет нашего каравансарая). По приходной книге за 1755 г. мы встречаем следующую статью:

„Получил также четыре тумана денег от „парона“ (госполина) Айваза, что было за счет 40 туманов арендной платы нашего каравансарая, 14-го этого (сентябрь) месяца“.¹

Отсюда видно, что каравансарай был сдан в аренду за 40 туманов в год, так как в следующем году повторяется то же самое.

Доходы от мулкадарских имений. Все вышензложенное касается лишь собственного производственного хозяйства Эчмядзина.

Но кроме этого, Эчмядзин, как мы сказали выше, владел населенными имениями на мулкадарском и на тнультном правах.

С населения мулкадарских деревень монастырь получал „мулк“, т. е. ¹/₁₀ урожая всех земледельческих произведений. Права распоряжаться и вообще вмешиваться во внутренние дела, как в производственные отношения внутри общин этих сел, Эчмядзин как „мулкадар“ не имел. Он был лишь соучастником государства, в лице ханасардара, в получении ренты-налога. Однако из монастырских документов видно, что Эчмядзин, пользуясь своим влиянием, всегда ставил во главе сельских общин своих „танутеров“ (сельских старшин).

И. Шопен описывает „порядок сбора произведений

¹ Архив, папка 1, док. № 27, стр. 1.

земли" во время сардарского правительства, который мы приводим сокращенно:

„Весною, когда няны начинали одеваться зеленью, назначалось в каждое селение по одному, иногда по два и более, сборщика податей, называемых *саркярами* („глава дела“).

Саркяр обыкновенно являлся в назначенную ему деревню в мае месяце; первым долгом его, по прибытии на место, было привести в известность количество всех посевов каждого жителя порознь.

При снятии урожая часть произведений отлагалась в пользу жнеца, хотя бы таковым был сам хозяин жатвы. Часть эта была с пшеницы и ячменя $\frac{1}{10}$, а с чалтыка и хлопчатой бумаги — $\frac{1}{20}$ часть. Чтобы не лишиться подати с этой части, сардар изыскивал с нее одну десятую часть, или по 34 шая с человека, что способствовало и проверке общего урожая.

Когда молотьба начиналась, то саркяр смотрел за устройством гумен и наблюдал, чтобы они были все расположены в одном месте, не ближе полуверсты от селения; в середине всех гумен возвышалась каланча, с которой саркяр наблюдал, чтобы жители не увозили домой хлеба, еще неизмеренного.

По окончании молотьбы и провенания хлеба жители и саркяр приступали к перемерке всего сбора. С багракерных селений саркяр брал из каждых 30 частей по 10, а с ярикерных, отделив предварительно семена на посев следующего года, — по 15 и сыпал их в казенный сельский амбар.

Сельский амбар в это время имел двери, всегда закрытые и запечатанные; продукты ссыпались в него сверху, так что класть в них было можно, а брать нельзя.

По собрании, таким образом, всех продуктов в сельский амбар, магальный начальник или мирза его, или другое лицо, по поручению хана, в присутствии саркяра, сельского кетхуды (старшины) и священника или моллы рас-

печатывал амбар и посредством перемерки приводил в известность количество всыпанных в него произведений. В мулкадарских селениях присутствовал при этом и мулкадар, которому тогда же отмеривалась следуемая часть; чилияк ($\frac{1}{30}$), смотря по распоряжению сардара, отпускался так же мулкадару или оставялся в собственность казны. В заключение, жители должны были доставить казенную подать на своих вьюках, по назначению".¹

Таковы были отношения Эчмиадзиня с мулкадарскими селами. Но иные отношения существовали тогда к селам, пожалованным сардаром и шахом на тиульных правах. В XVII и XVIII в.в., как нам известно, Эчмиадзин на тиульных правах владел только селением Вагаршапат.

Относительно тиульных деревень И. Шопен пишет:

„Тиульство вообще предоставляло владельцу право непосредственно распоряжаться в пожалованной деревне, которая в то же время исключалась из окладных списков; затем, все сборы, все повинности с оной обращались в пользу владельца".²

Значит, Эчмиадзин, владевший селением Вагаршапат на тиульном праве, присваивал всю ренту-налог с населения его.

В чем же выражалась и в какой форме взималась эта рента?

Как известно, К. Маркс в 47-ой главе III тома „Капитала“ отличает три постепенно сменяющиеся формы капиталистической земельной ренты, а именно: ренту отработочную, ренту продуктами и денежную ренту.

В исследуемый нами период мы застаем феодальное общество в передней Азии, а в частности в Армении, в той стадии развития, когда господствующей формой ренты была рента продуктами, причем отработочная рента пока не исчезла, а более развитая форма — денежная, пока не являлась преобладающей.

¹ И. Шопен. — „Историч. пам.", стр. 1131—1132.

² Там же, стр. 928.

Об отработочной ренте, взимаемой с монастырских крестьян, мы уже писали в главе, касающейся рабочей силы. Здесь отметим только, что в эчмнадзинском хозяйстве она не выступает в своей самостоятельной, более чистой форме, когда, как говорит Маркс, «непосредственный производитель часть недели обрабатывает фактически принадлежащую ему землю при помощи орудий труда (плуг, скот и т. д.), фактически или юридически принадлежащих ему же, а остальные дни недели работает в имении землевладельца на землевладельца даром».¹

В эчмнадзинском хозяйстве в XVIII в. отработочная рента выявляется лишь в виде остатков в последующей, более развитой форме — ренты продуктами.

«Если рента продуктами, — пишет Маркс, — представляет господствующую и наиболее развитую форму земельной ренты, она все же постоянно, в большей или меньшей мере, сопровождается остатками предыдущей формы, т.-е. ренты, которая доставляется непосредственно в виде труда, следовательно, барщинным трудом, и это одинаково, является ли земельным собственником частное лицо или государство».²

Рента — налог продуктами занимала главное место в налоговых платежах крестьянина. По И. Шопену, этот вид налога в эчмнадзинском хозяйстве выражался в платеже, «¹/₁₀ части с урожая всех вообще произведений земли».

По какому расчету монастырь получал ренту-налог в ¹/₁₀ часть урожая, непоятно.

Казенная часть дохода с мулкадарских земель, по сведениям Шопена же, составляла обыкновенно ¹/₁₀ частей урожая, не считая «сарварской» (¹/₃₀ ч.), а вместе с этим — ²/₃₀ частей, а мулкадарская — ¹/₁₂₀ или ¹/₁₀.³

Точно такие же сведения мы встречаем в «Джамбр'е».⁴

¹ К. Маркс, — «Капитал», III т., стр. 655.

² Ibid — стр. 699.

³ И. Шопен. — «Историч. пам.», стр. 990.

⁴ «Джамбр'е» стр. 159.

В XVII и XVIII столетиях из всех сел, принадлежавших разновременно Эчмиадзинскому монастырю, лишь селение Вагаршапат было „тиулом“; остальные были „мулки“.

В главе 13-ой „Джамбр'а“ автор дает подробные сведения о принадлежавших Эчмиадзину селениях и перечисляет все документы, на основании которых монастырь владеет этими селениями. Относительно Вагаршапата приводится ряд ферманов¹ иранских шахов (шаха Аббаса II, шаха Сулеймана I). Согласно *««-դամ»*-у шаха Сулеймана от 1671 г., которым он утверждает постановление шейх-у-ислама и других *««-յս դեղին»* [Վարդապետ—Բ. Հ.] վեց դանկ մուլքն, մուտախիլն, բահրէն և այլ հասրն բարբոխին սրբոյ էջմիածնի ևն լեւոր ի բնէ տնտիս:²

Отсюда ясно, что монастырь получая от общины сел. Вагаршапат одновременно и *«մուլք»* и *«բահր»*, т. е. $\frac{1}{10} + \frac{1}{10} = \frac{2}{10}$ урожая.

Это положение вполне соответствует тому, каковое мы находим у Шопена относительно тех мулковых владений, которые одновременно являлись и тиульными.³

Ни в истории других селений, ни в документах, касающихся других населенных имений, мы нигде не находим такого положения. Везде они называются только „мулками“, т. е. платящими десятину (*«տասմուլք»*).

Ясно, что монастырь от этих сел получал только *«տասմուլք»*, т. е. $\frac{1}{10}$ урожая. Остается выяснить налог „мутахил“.

Слово „мутахил“ в значении налога употребляется в „Джамбр'е“ в 5 местах в связи с *««-դամ»*-ами шахов Аббаса II и Сулеймана I. Интересно сопоставить выражения, где употребляется слово „мутахил“.

Приводим эти выражения:

1. *««-յս դեղին վեց դանկ մուլքն, մուտախիլն, բահրէն և այլ հասրն բարբոխին սրբոյ էջմիածնի ևն լեւոր ի բնէ տնտիս»* (*«Ջամբր», Եջ 105*).

¹ *«Ջամբր»,* стр. 103 и 218.

² И. Шопен. — „Историч. пам.“, стр. 990.

2. «Այս գեղիս հասլ, մուտախիլ և բահրէն, բոլորովին սրբոյ էջմիածնի են լիալ ի բնէ անտի («Ջամբո», ԼԶ 105)».

3. «Ե՛տհն [Արրաս II] ազամ դրէ բաշխելով ոչ միայն մուլքն շեշդանկ գեղչս մերոյ, այլև գրոլոր մուտախիլն սորին, որ գրի հարիւր իննսուս խալուար և հինգ լիար» («Ջամբո», ԼԶ 213)».

4. «Վերահասու եղաք ստուգութեամբ՝ որ այս գեղչս ոչ միայն շեշդանկ մուլքն, այլ և բոլորովին հասլն, մուտախիլն և բահրայն էջմիածնի են լիալք ի բնէ անտի» («Ջամբո», ԼԶ 218)».

5. «Ահք վերահասու եղաք, որ էջմիածնի գեղջ հասլն, մուտախիլն և բահրայն են բոլորովին էջմիածնի» («Ջամբո», ԼԶ 218)».

Первое, второе, четвертое и пятое выражения касаются „рагам“-а шаха Сулеймана 1671 г., а 3-е выражение — „рагам“-а шаха Аббаса II, причем второе выражение употреблено как повторение первого, а пятое как повторение четвертого.

Обращает на себя внимание третье выражение, где даренные шахом доходы от села Вагаршапата как бы состоят из двух слагаемых: «շեշդանկ մուլք» и «բոլոր մուտախիլն» и составляют вместе 195 халваров и 5 литров.

На странице 104 по этому же поводу мы находим следующее выражение: «Եւ այս ապամուլն հիշի թէ՛ գեղչս այսմիկ հասլ և մուլքն հարիւր իննսուս խալուար և 5 (5) լիար և կէս ասելի է լիալ, գոր սուեալ է Աթոռոյս».

Отсюда получается так, что «մուտախիլ» (в 3-м выражении) = «հասլ» (в этом выражении).

Слово «հասլ» (hasil) — персидское, означает доход, а также „выгоду“, „пользу“.¹

В четвертом выражении стоящие рядом и «հասլն» и «մուտախիլն» — синонимы, употребленные вместе, как часто встречается и в других местах.

¹ В. С. Пугуридзе. — «Известия хрестоматия персидск. языка». Москва, 1935 г., стр. 91.

На основании этого можно полагать, что *«бахта»* не есть определенный налог, а под этим словом подразумевались разные доходы натурой не только определенно налогового характера, как „мулк“ и „бахра“, а также другие, как, например, доходы откупные, платимые натурой и т. п.

В „Ведомостях бывшего сардарского визира мирзы Измаила о сборе в последний год управления Гусейн-хана, сардара, в подать, по Эриванскому ханству, с жителей и оброчных статей всего дохода как деньгами, так и различными произведениями натурой“¹ перечислены следующие „земные произведения“ (с которых брали подать): пшеница, ячмень, просо, чалтык, табак, лук, хлопчатая бумага, герчак, кунжут, льняные семена, горох и чечевича.

Количество доходов Эчмиадзинского монастыря как с села Вагаршапат, так и с других мулкадарских сел более или менее точно определить трудно. Прямых указаний где-либо или архивных документов на этот счет не имеется. В „Историч. пам.“ И. Шопена также отсутствуют данные, так как Шопен приводит в „Ведомостях“ только казенные доходы.

Из 22 мулковых селений, одновременно принадлежавших Эчмиадзинскому монастырю, во время Симеона не осталось ни одного. Ему же, Симеону, удалось вернуть из них семь: Ошакан, Аштарак, Егвард, Агавнатун, Цагаванк, Мугни, Кирашлу. Последнее в это время было в опустошенном состоянии. С этих селений монастырь получал только мулк, т. е. десятину.

Впоследствии, во время сардарства положение меняется. У Шопена мы встречаем уже другое. Накануне покорения ереванского ханства царской Россией и после покорения Эчмиадзин владел четырьмя селениями на правах тиула. Эти селения следующие: Вагаршапат, Ошакан, Мастара и Егвард, причем в последнем селе только ² ч.,

¹ И. Шопен. — „Историч. пам.“, стр. 99б.

или $\frac{1}{2}$ ахчи, принадлежало монастырю, а $\frac{1}{2}$ ч., или $\frac{1}{2}$ ахчи, принадлежала казне.

Известный географ-историк мхитарист Алишан в своем капитальном труде «*Արարիտ*» приводит эпитафическую надпись на стене зимней столовой, построенной в 1713 г. католиком Александром Джугаеци для эчмиадзинской братии; затем, описывая другие хозяйственные постройки монастыря — «погребя, винный погреб и ледник», добавляет:

«Над всеми этими (постройками) есть один просторный амбар, или место для продуктов, которое построено в дни его (святейшества) Гукаса в 1788 году на средства Маргара Халдаряна из Джуги. Амбар (этот) может вмещать 3000 халваров (халвар — «ноша осла»), что составляет — 1.440.000 тысяч грамм (т. е. килограмм)».¹

Отсюда видно, что амбар Эчмиадзина вмещал 1440 тонн зерна. Это достаточно внушительная цифра для того, чтобы составить представление о хлебных поступлениях Эчмиадзина в виде ренты и сбора «пгги» (*պղպղ*).

Рента продуктами в эчмиадзинском хозяйстве, как преобладающая форма из трех возможных форм докапиталистической земельной ренты, а именно: отработочной, продуктовой и денежной, вместе с тем является и одним из характерных признаков всего эчмиадзинского хозяйства в целом.

«Рента продуктами, — говорит Маркс, — предполагает более высокий культурный уровень непосредственного производителя, следовательно, более высокую степень развития его труда и общества вообще; и отличается она от предыдущей формы тем, что прибавочный труд приходится совершать уже не в его натуральном виде, а потому уже не под прямым надзором и принуждением земельного собственника или его представителя».²

¹ Գ. Ալիշան — «Արարիտ», стр. 228.

² К. Маркс. «Капитал», т. III. Партиздат, 1936 г., стр. 699.

„Благодаря тому, что эта форма, рента в продуктах, связана с определенным характером продукта и самого производства, благодаря необходимому при ней соединению сельского хозяйства и домашней промышленности, благодаря тому, что при ней крестьянская семья приобретает почти совершенно самодовлеющий характер вследствие своей независимости от рынка, от изменений производства и от исторического движения стоящей вне ее части общества, коротко говоря, благодаря характеру натурального хозяйства вообще эта форма как нельзя более пригодна для того, чтобы послужить базисом застойных состояний общества, как это мы наблюдаем, например, в Азии“.¹

И действительно, несмотря на широкие связи Эцинадзина с далекими торговыми центрами тогдашнего мира, во внутрихозяйственном и культурно-бытовом отношении за два столетия исследуемого нами периода заметных движений не наблюдается. Косность, присущая азиатским хозяйствам, бросается в глаза и здесь.

Денежная часть налога составляла довольно значительную долю взимаемого монастырем с крестьян общего налога.

И. Шопен пишет, что при персидском правительстве „она составляла около 1 $\frac{1}{2}$ тумана с семейства“.

Сравнивая это положение с описанными в „Историч. пам.“ формами и размером денежных налогов, находим, что монастырь в основу денежного налога ставит сбор „с семейства“, в равной мере с каждого семейства, не касаясь имущественного состояния или количества доходов, или количества рабочих рук в семействе. Между тем как в сардарском хозяйстве денежный налог взимался с „бинач“-а. „Бинач“-ами назывались группы семей от 1 до 10, которые в совокупности владели равными приблизительно имуществами. С каждого „бинач“-а багракярных

¹ К. Маркс. „Капитал“, Т. III, Партиздат, 1936 г., стр. 701.

деревень сардар взыскивая налог по 10 рублей, а с яркерных — по 3 руб.

Относительно XVIII столетия мы не имеем прямых указаний по этому вопросу.

В своем „Жизнеописании“ Артемий Арапатский говорит: „У нас (в сел. Вагаршапат) платят налоги: женатые — 4 руб., а холостые — 2 руб.“¹

Ни по размеру, ни по принципу это не соответствует сообщению И. Шопена. Здесь, в основе налоговой политики лежит сам работник и градация идет по мере достижения трудоспособности, а у Шопена в основе лежит имущественное положение крестьянина, степень которого определяет сельский сход.

Проф. С. А. Егиазаров в своем труде „Административно-экономический очерк сельской общины в Эриванской губ.“ указывает на, примерно, такую же систему деления общины на налоговые группы — единицы, как и И. Шопен. Вместо шопеновского „бинач“² здесь имеется „ампа“ — целая налоговая (также надельная) единица. Но наряду с „ампою“ у Егиазарова имеется также целая градация по имущественному положению.

По убывающей лестнице это будут: „ирек-пджег“, или „уч-чарек“ (три четверти „ампы“), „кисан“, или „ярым-ампа“ (половина ампы), „пджег“, или „чарек“ (четверть ампы) и даже „кес-пджег“, или „ярым-чарек“ ($\frac{1}{8}$ ампы).

„В сельской общине на Востоке прежде всего определяют экономическую имущественную способность общинника, а затем уже облагают эту „способность“ соответствующими последней податями и повинностями.“³

Это положение можно принять, если не считаться с произволом административного аппарата, почти безнаказанно царившим везде во время владычества ханов и сардаров.

¹ *Հայկական Գրականության Գրականության Կենտրոն*, стр. 113.

² С. А. Егиазаров. — „Адмив.-экон. очерк сельской общ. Зак. Эрив. губ.“, стр. 18.

В „Жизнеописании“ Артемия Араратского даются яркие картины такого произвола, особенно со стороны заправил села Вагаршапат — сельского старшины и ему подобных.

Потребление дохода. Как продукты своего производства, так и остальные поступления продуктами („мул-десятина“, „бахра-пятна“, „пгги“) шли преимущественно на внутримонастырское потребление.

Правда, в „Дневнике“ Симеона Ереванци и в прило-до-расходных книгах мы встречаем сведения о торговых операциях продуктами питания, в частности рисом, выво-зимым главным образом в Карс и в другие соседние ере-ванскому ханству области Турции, но это носит большею частью комиссионный характер. Католикос по просьбе ту-рецких пашей закупает рис, хлопок и т. п. и посылает им.

Так, например, в „Дневнике“ Симеона Ереванци за 1777 г. читаем:

„Карсский паша хотел купить через его святейшество рису. Теперь послал сюда своего „киларджи“ (заведую-щего амбарами и погребами), который был грек, и Кяфал-оглы Мелитона из Карса для (покупки) риса“.¹

Католикос исполняет просьбу пашы, взамен чего про-сит пашу приказать перевезти на верблюдах, которые должны были быть посланы за рисом, лесоматериалы из Карса для строительства в Эчмиадзине. Карсский паша, со своей стороны, исполняет просьбу католикоса.

Любопытно, что как паша, так и католикос при каж-дой такой просьбе или по выполнении просьбы посылают друг другу подарки. На этот раз католикос посылает паше: 36 оха сушеного абрыкоса (*qashur zhr*), 16 оха индий-ского риса, 7 штук свечей и „гюлаб“ (розовую воду, употребляемую в туалете вместо духов).

Чтобы стало понятно, куда расходовались большие доходы Эчмиадзина по линии сельского хозяйства, необхо-димо выяснить приблизительное количество едоков в нем.

¹ «Գրք. հայ. պատմ. գիրք» №, стр. 12.

В 1735 году католикос Абраам (Кретацци, 1734—1737 г.г.) в своем обращении к Надир-шаху относительно Эчмиадзина пишет, что:

„Престол этот (эчмиадзинский) такой известный и знаменитый „очаг“, где кормятся более чем 500 человек“.¹

В эту цифру входит не только эчмиадзинская братия, а также служащие, количество которых во второй половине XVIII века доходило до 130—140 человек.

Но к этому количеству постоянных едоков надо прибавить, во-первых, полевых и строительных поделных рабочих, количество которых в разные годы XVIII столетия доходило до 20.000 трудодней, и, во-вторых, — богомольцев, которые со всех концов света стекались в этот религиозный центр для молитвы. Количество их бывало до того велико, что один из эчмиадзинских католикосов—Лазарь построил для обслуживания их большой дом, более чем 30 просторных комнат.

„Самое большое здание в ограде Эчмиадзина—это „Газарапат“, обширная гостиница, двухэтажная и трехэтажная (построенная) из камня и кирпича, состоящая из тридцати и более комнат, построенная католикосом Газаром в лето 1750“.²

Разумеется, что расходы Эчмиадзина на питание богомольцев, которые в значительной части были приезжие из дальних краев, покрывались в многократном размере щедрыми преподношениями с их стороны.

Часть продуктов шла на подарки — „пешкеши“ ханам и их прислужникам, а также турецким пашам, таможенным начальникам и проч. На подарки турецким пашам шли: рис, сушеные и свежие фрукты и даже огородные овощи — баклажан и т. п.

В „Дневнике“ Симеона Бревандци часто встречаем целые переписки относительно таких подарков.

¹ «Земля», стр. 135.

² И. Я. Я. — «Исторический», стр. 229.

Ясно, что и здесь имелись в виду те выгоды, которые получал Эчмиадзин от этих лиц.

На основании всего вышесказанного можно прийти к заключению, что эчмиадзинское хозяйство не носило характера товарного хозяйства и в исследуемый нами период оно сохранило еще все основные черты феодально-натурального хозяйства.

Однако, исследуя специфические условия потребления в эчмиадзинском монастырском хозяйстве, нам придется ввести некоторую коррективу в это положение.

К сожалению, в архивах монастыря мы не могли найти достаточно материалов, чтобы выяснить процентное соотношение между потреблением продуктов основным контингентом служителей церкви и потреблением (или, вернее, сбытом) посторонними и идущих в продажу продуктов — с другой.

Однако, упомянутые выше приходо-расходные книги заведывающего монастырской „шираханой“ (винным погребом) могут дать приблизительную картину этих соотношений.

Приводим итоги расходов вина за 1761 г. (с февраля по декабрь месяц). Это можно считать показательным для других годов, а также для других видов продуктов.

	карася	литров	чарекон
1. Расход по столовой — (սեպտեմբերի միջին)	41	19	2
2. Расход „внутренний“ — (սեպտեմբերի միջին) (подразумевается стоа католикоса).	6	—	2
3. Выдано монастырской братии и служителям	2	12	—
4. Расход на приходящих гостей (սեպտեմբերի միջին)	19	14	3 1/2
5. „Нужным людям“, богомольцам и проч. (սեպտեմբերի միջին)	13	12	1 1/2
6. Мастерам-ремесленникам (каменотесам, строителям, плотникам, жителям и проч.).	27	10	1 1/2
Итого	111	8	11 1/2
7. Продано	30	3	2
ВСЕГО	141	11	13 1/2

Из этих расходных статей §§ 1, 2 и 3 нужно отнести к группе расходов „собственно монастырского потребления“. В совокупности они составляют 50 карасов и 11 литров, или 35,5% всего расхода вина. §§ 4 и 5 относятся к группе „потребления посторонних“ (хотя и „нужных“). Они составляют 33 караса и 7 литров, или 23,5% всего расхода вина. Расход вина по § 6 является частью зарплаты, которую монастырь выдавал квалифицированным, а также даровым (жнецы) рабочим. Этот расход составляет 27 карасов 10 литров и 1¹/₂ чар., или 20% всего расхода вина. § 7 — товарная часть — составляет 30 карасов и 3¹/₂ литра, т. е. 21%.

Таким образом, собственно монастырское потребление (35,5%) меньше, чем та часть, которая идет на производство (§ 6) и на рынок (§ 7) вместе взятых (41%). А если к этому прибавить вторую группу — расход на посторонних, главным образом на богомольцев, который косвенным образом оплачивался приношениями их, многократно превышавшими цену вина и разные другие расходы на них, — получится 64,5% или, примерно, 2/3 всего расхода вина.

Приведенный анализ расходов вина приводит к тому, что эминадзинское монастырское хозяйство можно считать потребляющим хозяйством лишь относительно, имея в виду только внешнюю форму потребления и сбыта продуктов. По существу же, по своему внутреннему содержанию оно отличается от обычных потребительских хозяйств феодального общества.

Отличительной чертой эминадзинского монастырского хозяйства являлось то, что значительная часть продуктов, с виду шедших на потребление, возвращалась в производство или в виде части зарплаты, или реализовалась, т. е. превращалась в деньги, посредством прямой и косвенной (натуральные расходы на богомольцев) продажи.

Имена и разные недвижимые имущества
в Грузии и в др. местах.

Выше мы сказали, что Эчмиадзин владел доходными недвижимыми имуществами и садами также вне Ереванского ханства. В „Джамбр'е“ имеется перечень таковых, находящихся в Грузии.

Прежде всего упоминается какая-то деревня „Тасмалур“, которая находилась между Кахетией и Кисегом (*ჭრუბე*) в области (*უბანი*) Энисул. Эту деревню, по словам автора, подарил католикосу Иакобу Джугаеци „господни Кахетии Темур-хан и его сын Иракл: „со всем населением, со всеми садами, водами и со всеми принадлежностями (*თურთაურე*) в служение св. престолу на вечную память“.¹

В изданиях Д. П. Пурцеладзе „Материалах для истории древней Грузии“ под названием „Грузинские крестьянские грамоты, крепостные и судебные акты, грамоты и письма грузинских и персидских царственных особ“ приведен один документ 1667 г., по которому „Рустам-хан, занимавший место и престол грузинских царей“, пожаловал эчмиадзинскому католикосу Иакобу Джугаеци селение Нахелур“.²

Об этом селении в „Джамбр'е“ не упоминается. По-видимому, во время Симеона Ереванци оно больше не принадлежало Эчмиадзину.

В Грузии Эчмиадзин владел: в Тбилиси — 8-ю лавками, одним усадебным местом, одним участком под сад (*თუბანი*) и в сел. Шулаверы одним большим садом, полным тутовыми деревьями.

В Грузии Эчмиадзин владел также *ადრის*-ами. По этому поводу в „Джамбр'е“ читаем следующее:

ადრის — налогоплательщие слуги (*საქმის დამსურ*) нашего святого престола в той же стране (в Грузии).

¹ *„Хабрал“*, стр. 207.

² Д. П. Пурцеладзе. — „Грузинские крестьянские грамоты, крепостные акты и проч.“. Тифлис, 1882 г., стр. 94—97.

„В городе Тбилиси католикос Аствацатур Амаданин купил в *«апрт»*-ы для святого нашего престола Хакхутова — сына Арутюна с сыновьями и со всей семьей в 1164 году нашего летосчисления (1715 г. н. э.). Найди кабалу (купчую крепость), написанную на грузинском языке на странице написанного списка“.

„Опять тот же самый католикос Аствацатур купил в том же городе из рода Туманени Иакоба сына — Папу, сыновей его — Иакоба и Мамало со всей семьей в *«апрт»*-ы святого нашего престола, в 1170 году нашего летосчисления (1721 г. н. э.). Найди кабалу на грузинском языке на странице написанного списка“.

„Также *«апрт»*-ами святого нашего престола состоят: лудильщик Багдасар, Багдасар — внук Когнени Багдасара, сын кожевника махтеси Давида — Ованес, Хелтубиени Тер-Давид (священник), Хелтубиени Автандил и его сын — Абраам, сыновья бакалейщика Лалу — Ованес и Мкртыч, сын басмачи (продавец ситца) Аслана — Григор, сын Гюрджак Маркара — Ованес, внук течпаза Аслана — Папа, сыновья Цканци Авдандила — Давид и Арутюн, зять лудильщика Багдасара — лудильщик Меграб, сын шапочника Антона — купец (*«р-тш»*) Арутюн, сын Ереванци Авака — кожевник Арутюн, Чашкени Агаджан, сыновья Диладжанени Тер-Сэркиса (священника) — Легинэ, Мелкон и Багдасар, сын Крцилванени Эсо — Отар, кожевник — Казахени Маркар, купец (*«р-тш»*) — Ереванци Габриэль.¹

Что из себя представляли эти *«апрт»*-ы?

Отметим прежде всего, что как в литературе, так и в архивных материалах за исследуемый нами период нигде, кроме Грузии, не встречаем *«апрт»*-ов, принадлежавших Эчмнадзину. В отношении крестьян монастырских сел, как и разного рода рабочих и слуг монастыря, это слово нигде не употребляется. Напротив того, в „Дневнике“

¹ 2-4-е, стр. 209.

Симеона Ереванци неоднократно мы встречаем покупку или дарение «*дари*»-ов для Эчмиадзина, опять исключительно в пределах Грузии.

Автор „Джамбр’а“ слово «*дари*» объясняет словами: «*հարկատու ծառայք*», что означает „налогоплатящие слуги“. Значит, первый необходимый атрибут «*дари*»-а— это обязанность платить налоги. Второй атрибут «*дари*»-а—то, что он является *ծառայ*, что означает „слуга“. В древнеармянском языке это слово «*ծառայ*» было равнозначуще другому армянскому слову «*ստրուկ*». Еп. О. Шахатуниан отмечает разницу в положении податных Эчмиадзинскому монастырю лиц, живущих в Грузии, от таковых же крестьян в Ереванском ханстве тем, что первых он называет «*ստրուկ*» („раб“), а вторых—просто словом «*հարկատուք*», т. е. „податные“.*

В новоармянском языке слово «*дари*» употребляется почти исключительно в смысле крепостного крестьянина, а «*ստրուկ*» в смысле „раба“.

Здесь «*дари*» отличается от раба тем, что он является собственником средств производства и даже зачастую является эксплуататором чужого труда. Как можно заметить из вышеприведенного перечня эчмиадзинских «*дари*»-ов, большинство их являются ремесленниками (мудильщики, кожевники и т. п.) или торговцами, а что любопытнее всего—один из них даже священник.

От крепостного же «*дари*» здесь отличается тем, что он не прикреплен к земле или даже ко двору своего господина в качестве дворового. Здесь «*дари*» является лишь платящим определенный налог своему господину и лично

* На стр. 135 своего труда: «*Ստորագրութիւն հինգ քառասուն Այրարատեան նահանգի, հաս. Ա. 1849 թ.*» он пишет: «*Յայտուիկ վերոյ նշանակեալ հնգեանի դիտորայան գտանին գերդաստանք հարկատուք եւ շահնջ կրկին սեփեւ*», затем перечисляет деревни: Вагаршапат, Ошакан, Мугни, Егвард и Мастара, с указанием количества населения.

А на стр. 139-й—

<i>Ստրուկք ի վերահին վրաստանի</i>	}	<i>արկանք—332</i> <i>իզականք—402</i>
-----------------------------------	---	---

зависим от него в том смысле, что последний имеет право его продавать, дарить кому захочет, отпустить его на волю за выкуп и т. п.

Любопытно привести несколько примеров, показывающих откуда и как приобретались эти *«сироты»*-ы.

Относительно вышеупомянутого *«сирота»*-я — священника Тер-Давида мы читаем в „Памятной книге“ Симеона Ереванци за 1765 г. 30 ноября следующее:

„23 года тому назад вардапету Анания, отправленному в Тбилиси на „взирачество“ и на должность епархиального начальника, Туманцы продали одного священника по имени Давид, который был их *«сирота»*-ом. И вардапет Анания купил его действительным актом (*սրկելով*). И он (священник) до сих пор служил нашему святому престолу. А теперь том же самый продавец захотел насильно заставить его (священника) служить ему. Поэтому этот священник пришел с жалобой к его святейшеству (католикосу). Вследствие этого его святейшество вручил ему письмо, чтобы он и после этого свободно (смело) служил святому престолу. А если захотят его насильно вести в (чужое) служение, то он пойдет с жалобой к царю и покажет ему бумагу, как свидетельство о том, что он действительно находится в *«сирота»*-ах св. престола“.¹

В продолжении упоминается о другом, аналогичном этому случае.

Большинство этих *«сирот»*-ов, повидимому, были бывшие пленные, которые были выкуплены или самим Эчмиадзинном, или же частными лицами, а потом подаренные ими же Эчмиадзину.

Д. П. Пурцеладзе приводит из одного архивного документа такой случай:

„Крестьянин Мухранского, тифлисский житель Василий Вардзигулов, ездил к тагиням по торговым делам. Слу-

¹ *«Գրք. Երևանի, 1765 թ., էջ 316.*

чилось так, что он понес убытки и задолжался лезгинам, не мог уплатить долг и бежал в Тбилиси. Кредиторы, прибыв в Тбилиси, захотели детей и женщин семьи Вардзигуловых забрать в плен. По предложению епархиального начальника Вардапета Карапета, Общество тифлиссских армян, сложившись между собою, уплатило лезгинам 26 туманов и освободило сказанного Василия и сыновей его Арутюна и Аветиса с их семействами, и всех их отдало в крестьянство св. эчмиадзинскому престолу, на спасение душ...¹

Какие обязанности несли они в отношении Эчмиадзина, точно установить нам не удалось ввиду скудости архивных и других материалов по этому вопросу. В „Дневнике“ католикоса Симеона (Архив армянской истории, т. XI, гл. 366) приводится краткое содержание письма католикоса, по которому вменяется в обязанность благочинному (գործակալ) тбилиссских церквей и поверенному (վերել) католикоса—Тер-Газару:

«Վերահասու լինել ամենայն ճորտից սրբոյ Աթոռոյ, և դամենայն նոզևոր և դմարմեաւոր իսսու և իրաւանն նոցին, նաև դմարմն առևորոց նոցին առնուլ լրատելս և ի ձեռն առաջնորդին ի սուրբ Աթոռս իստուգանել»:

В этом же письме дается объяснение:

«Եւ զի չէր անդ ի թիֆլիզ սուրորութիւն քաղաքացւոցն կամ այլոց՝ առնուլ հարկ կամ մարս ի մեր ճորտիցն, այլ սուրբ Աթոռս առնայր, միայն ակաւ մի տուրս ասէին տալ նոցա ի վազոց, այտու կանոնաւ, զի թէ քաղաքացիք հարիւր թուամն ասային, մեր ճորտքն եռ դն (5000 դրամ—Բ. 2.) տային» (ԵՊԻՎ. իտյ. պատմ. գ. ժա. «Միմ. կարթ. յիշատ. մ. III, 49 273):

Ссылаясь на грамоту грузинского царя Ираклия, согласно которой «ճորտ»-ы Эчмиадзина «գիրեանց հարկն և դմարս սրբոյ Աթոռոյ տուցն», католикос отвергает претензии мелика города Тбилиси—Аветика на налоги и «մարսուկեաւ»—Шакаро на пошлины с «ճորտ»-ов Эчмиадзина.

¹ Д. П. Пурницадзе — Грузинские крестьянские грамоты, крепостные и судебные акты... Тифлис, 1882 г., стр. 188.

Среди *«бартов»* Эчмиадзина имелись богатые и пользовавшиеся большим почетом у эчмиадзинских отцов люди.

Про одного такого *«барта»*, медника Енока, в приходной книге за 1793 год читаем: „Господин Енок, который состоит *«барта»*-ом святого нашего престола, вместе со своим сыном Степаном отдал *«св. дары»* шесть золотых и одну серебряную чашу для св. даров“.¹

Возвеличение *«барта»*-а титулом „господин“ встречаем и в других случаях, как, напр., в приходной книге за 1799 год встречаем также аналогичное выражение: „*«барта»* св. престола *«господин»* Аствацатур“ и проч.²

Нет сомнения, что эти „господа *«барта»*-ы заслужили такой почет у своих господ тем, что приносили им большие доходы. Со своей стороны эчмиадзинские католикосы, в особенности Симеон Ереванци, пользуясь своими связями с грузинскими царями, оказывали покровительство своим *«барта»*-ам, выхлопотав для них различные льготы по торговле и ремеслам.

Банково-торговые операции. Обширные связи Эчмиадзина с армянским населением, жившим как на территории бывшей Армении, в исследуемый нами период находившейся во власти Ирана и Турции, так и рассеянным по всему побережью Индийского океана, Средиземноморья, европейскому побережью Атлантического океана, а также по крупным торговым городам Средней и Восточной Европы, давали широкие возможности эчмиадзинскому духовенству наряду с выполнением своих духовных функций заниматься также торговлей и денежно-комиссионными операциями. Большую роль в этом отношении играл институт так называемого „*«навракта»*“.

„*«Навраки»*“ посылались католикосом периодически (обычно в 3 года раз) повсеместно, где находились армяне-

¹ Архив, папка V, док. № 39, стр 64.

² Там же, стр. 169.

григорианского вероисповедания, в религиозном отношении подчиненные эчмиадзинскому католикосу.

Цель „нвиракства“, согласно инструкции католикоса Ефрема (1808—1831 г.),—сохранение живой духовной связи с разбросанными повсюду—от Индии до Амстердама и от Месопотамии до Ленинграда—армянами, рассылка миро церквям и, самое главное, собиранне разных денежных сборов и поступлений, пожертвований и проч. в пользу Эчмиадзина.

Указанная выше громадная территория была разделена на „нвиракские области“ (*ե՛նուրազական թեմք*) и „нвиракские районы“ (*ե՛նուրազական գի՛ճակք*) с точно установленными границами. В архиве катол. Семеона и катол. Ефрема имеются подробные списки этих «թեմ»-ов и «գիճակ»-ов с их центрами и подробным перечнем главных населенных пунктов, приписанных к данной области или району.¹

„Нвиракство“ особенно развивается при кат. Семеоне Ереванци (1763—1780).

Этот деловитый католикос, используя институт „нвиракства“ в коммерческих целях, организовав широчайшую сеть торговой агентуры. Эчмиадзин имел во всех более или менее известных в торговом отношении городах своих агентов-казначеев (*գէրհի, գանձապահ*), которые выполняли разные поручения католикоса. Агенты эти назначались католикосом или епархиальными начальниками из среды местных коммерсантов-богачей, которые одновременно выполняли функции казначея местной церкви. Значительную часть полученных от пожертвований и разных церковных сборов денежных поступлений „нвираки“ обыкновенно оставляли у этих агентов-казначеев, получая от них соответствующие оправдательные документы для представления католикосу при отчете.

По окончании своей миссии „нвирак“ возвращаясь в

¹ См. *ԵՂիզ. Կայ. պատմ., գրքք Ք. ծանոթ. Ձ 3, 42 807—826.*

Эчмиадзин, привозя с собой иногда целый караван всевозможных ценных товаров по предварительному заказу католикоса.

Заказы на покупку товаров и отправку в Эчмиадзин делались также казначеями непосредственно. Они же посредством переписки осведомляли католикоса о ценах разных товаров.

Здесь необходимо отметить, что Эчмиадзин на далеких внешних рынках редко когда выступая в роли продавца. Производство его, как мы указали выше, кроме книжного и частично свечного, шло на внутреннее потребление. Кроме этого, купля-продажа, в виде постоянного промысла, для эчмиадзинских монахов считалась непристойным занятием.

Самый „дорогой товар“, производимый Эчмиадзином, на что он имел исключительно монопольное право,—это был „св. миро“ (*սրբամիր*), которое приносило своему „производителю“ чрезвычайно большую прибыль.

По канонам армянской церкви, основные церковные обряды, так называемые „таинства“ (крещение и т. п.), нельзя совершать без „миро“. „Мироварение“ (*սրբամիրօրհան*, *սրբամիրօրհան*) производилось исключительно в Эчмиадзине. Право на это принадлежало только эчмиадзинскому „католикосу всех армян“. Мироварение производилось в 3, 5, 7 лет раз. Миро рассылалось по всем церквям через „иерак“-ов, за что последние получали большие деньги.

Знаменитый путешественник XVII века Ж. Шарден по этому поводу пишет:

„Армянское духовенство также покупает и продает свои места, как и духовенство других религий Востока. Но что они дороже всего продают, так это—святое масло, называемое греками миро-м. Большинство восточных христиан воображает, что это—целительный бальзам против всех болезней души. Духовенство поддерживает в народе это суеверие из-за выгоды, которую получает, продавая

очень дорого каждое помазание этим миром. Один только патриарх имеет право его освящать; он продает его епископам и священникам". (См. „Путешествие Шардена по Закавказью в 1672—1673 г. г.“, Тифл., 1902 г., стр. 278).

На европейских рынках представители Эчмиадзина покупали главным образом ценные и портативные товары: дорогие ткани (шелковые и шерстяные, как-то: *рушак*, *саржан*, *саванна*, *французский*), сукно фламандское, часы, бинокли (*шпириты*), дорогие фарфоровые вещи (бокалы и т. п.) и проч. Важное место занимала покупка армянских книг, изданных в Амстердаме, Венеции и т. п., а также бумаги, пока катоя. Симеоном Ереванци не была открыта бумажная фабрика.

Купленные Эчмиадзином товары шли частью на удовлетворение собственных нужд, а большею частью в продажу и на подарки представителям власти—ханам, бекам, пашам, сераскерам и т. п.

Эчмиадзинские католикосы, в особенности Симеон Ереванци, вели обширную переписку почти со всеми правителями тех областей Ирана, Турции и Грузии, которые были населены преимущественно армянами. Эти переписки, а также посещения лично правительственных чиновников всегда сопровождались более или менее ценными подарками. Часто бывало, что сами ереванские ханы заказывали Эчмиадзину достать те или иные, редкие на местном торговом рынке товары, имея в виду связь Эчмиадзина с дальними европейскими и азиатскими рынками. Как пример привожу список подарков, посланных катол. Симеоном Ереванци грузинскому царю Ираклию и его сыну по поводу свадьбы последнего.

„Послал его святейшество полюбобное письмо царю Ираклию и поздравил со свадьбой его сына. Через вардапета Мкртича послал следующие подарки для него: 2 „тонлуга“ (кусок на одно платье) красного лакраста, „тонлуга“ цветисто-красного (*зрешура*) атласа, 2 „тонлуга“ хара, 2 штуки зарбаба, 3 „тонлуга“ сукна, 1 полотенце с вышитыми кон-

цами, 1 хороший самшитовый гребешок, 1 одеяло „мшли-бантар“, 1 (кусок) разрисованного ситцу — „садраси“ и белые часы.¹

Это все — предметы, привозные из дальних европейских рынков.

Наряду с торговыми операциями эчмиадзинские католикосы вели широкие для того времени банковские операции.

Мы уже говорили, что эчмиадзинские „нвираки“ собранные ими в пользу Эчмиадзина денежные пожертвования большею частью оставляли у казначеев-агентов Эчмиадзина, имеющих во всех центрах нвиракских областей. Транспортные затруднения, опасность быть ограбленными, затруднения обмена на иностранную валюту принуждали коммерсантов того времени не возить с собою крупных сумм денег, а искать какие-либо иные пути для перевода их на место назначения. Самый удобный способ такого перевода был практиковавшийся тогда в итальянских торговых городах переводный вексель.

Здесь-то Эчмиадзин выступает в роли банкира — посредника.

Торгово-посредническая и банковско-комиссионная роль Эчмиадзина стала известной и признавалась всем коммерческим миром Закавказья и всем армянским купечеством, разбросанным по разным странам света. Трехтомный „Дневник“ католикоса Симеона Ереванци может служить ярким доказательством этого; он полон кратким содержанием этого рода коммерческих корреспонденций. Католикос лично руководил этим делом. Для конспирации сумм, иногда и всего содержания письма, был выработан специальный шифр, известный только католикоосу и его контрагентам. Были выработаны формы коммерческой корреспонденции. Приводим образец одной из форм такой корреспонденции, так называемой „*փոխընթացիք*“.

¹ См. „Դժճ. Եւր. շաբաթ.“, 1888 թ., 62 թերթ.

Образец:

ՅՅՅ¹ Раб Иисуса Христа Симеон, католикос и патриарх всех армян.

Настоящее письмо написано по поводу того, что в 1213 году (1764 г. н. э.) и 15-го июня месяца стали нужны деньги для потребностей св. престола. Поэтому я, вышеназванный ՅՅՅ, посредством своих агентов в Карине (Эрзерум) занял у господина Араке́ла—брата Арапкерца Мурткенц махтеси Пилиппоса, четыре тысячи курушей денег наличными и выдал переводный вексель в Полис (Константинополь) на имя нашего высокостепенного ивирака и родного сына нашего св. престола вардапета—богослова Арутюна, чтобы он из поступлений и доходов св. престола через 11 дней срока уплатил безусловно и беспрекословно эти четыре тысячи курушей проживающему там же, в Вазир-хане, компаньону того же ходжа—Араке́ла ходжа Аюлу, сыну махтеси Карапета из Каркиркапа Акиского или тому, кому захочет и на кого напишет ходжа Араке́л. А этот документ (*փոխընդամենը*) вместе с нашим приветным письмом пусть берет к себе и сохранит, чтобы во время отчета представить.²

Ссылка на то, что католикос из-за нужды занял деньги, есть только формальная сторона. Так оформляли документы, вероятно, для того, чтобы скрывать корыстные цели монастырских отцов. В действительности Эчмиадзин получал за свои комиссионные услуги определенный процент с суммы сделки. Этот процент обыкновенно не показывается. Однако, в одном месте „Дневника“ Симеона Ереванци имеется следующее:

„Тифлисский житель ходжа Мкртум, о котором было упомянуто (в записи) от 10 августа, приехав теперь, зашел в св. престол. И дал (он) его святейшеству деньги (одни и одну десятую с единицы) и получил от его свя-

¹ Знак, означающий титул католикоса.

² ՅՅՅ. Հայ. պատմ. ժողովրդ. Բ., 47 827.

тейшества (на имя) вардапета, который в Карине (Эрзерум), одну расписку и один вексель, чтобы в Карине, через кого захочет, получить (деньги) от вардапета Захария. Это было 24 сентября (1766 года)¹.

Вставленное в скобки в оригинале выражение — „один и одна десятая с единицы“ определенно показывает, что католикос получал комиссионные в размере 10% с суммы переведенных через него в Карин денег.

Посредническими услугами Эчмиадзина пользовались также богомольцы — христиане, отправлявшиеся в Иерусалим, и магометане, отправлявшиеся в Мекку на богомолье. Они сдавали деньги в Эчмиадзине и получали их в Константинополе или где им хотелось.

Экономическое значение этой посреднической роли Эчмиадзина было для того времени большое. Она способствовала развитию торговых сношений Закавказья с дальними торговыми городами и портами Востока и Запада.

Церковные и „престольные“ сборы и другие внехозяйственные поступления.

Как мы указали в главе „Структура эчмиадзинского хозяйства“, эти сборы и поступления по характеру своему и по сути своей являлись внехозяйственными поступлениями. Они не были связаны с хозяйством непосредственно; не являлись результатом хозяйственной деятельности Эчмиадзинского монастыря. Но поскольку они также были сосредоточены в руках всеобщего хозяина — католикоса и без разбора расходовались в хозяйстве, то нам приходится вкратце остановиться и на них.

Принято то положение, что вообще церковные и „престольные“ сборы и поступления основаны на принципе добровольности; теоретически оно так и есть. В соборных постановлениях нередко мы находим подтвержде-

¹ 1766. Сур. պատմ. 1860 Ք. 42 549 — 550.

няя этого принципа¹. Однако в тех же канонах и постановлениях „святых отцов“ вместе с кроткими увещаниями и уговариваниями, обращенными к своей пастве, чтобы все „добровольно и с мольбой“ (*արժարուք Բնութ և ազաշանօք*) преподносили церкви и духовенству необходимые от них сборы (довольно подробно перечисленные в канонах), имеется и грозное предупреждение от „господа-бога“, гласящего: „с пустыми руками никак не смей появляться передо мной“. (*Դատարկանուն անհնարն մի Երևեսցիս առաջի իմի*)².

Выполняя повеления своего бога, духовенство в течение полутора тысяч лет дополняло список разных видов „добровольных пожертвований“, а обычное право санкционировало фактическое положение принудительности церковных сборов. В 17-м столетии в некоторых местах определенные сборы, например, „ониракские“, были точно определены (конечно, только в *minimum*-е). Так, Закария Акулеци в своем „Дневнике“ пишет:

„В 1118 году (1669 г. н. э.) 7-го августа в Акулис приехал из Эчмиадзина заместитель (католикоса) вардапет Микаэл для „ониракства“. На каждую душу налог (положен) 20 динаров, так что каждый армянин 20 динаров платит Эчмиадзину. Уже три года как не брал (Эчмиадзин). Этот приехал, взял по 60 динаров с души за три года“³.

„Престольные“ сборы (*արքայանոց*), т. е. сборы в пользу Эчмиадзинского первопрестольного монастыря, носили разные наименования. В одном из своих кондаков католикос Иакоб (1759 — 1763 г.) дает следующий перечень видов сборов и поступлений в пользу эчмиадзинских патриархов (*„Կարապետական Կար և սուրբ“*)⁴:

¹ Ср. «Մանեսյան Կարգ», էջ 21, 128

² Ibidem — «Մանեսյան Ա. Մանեսյան Կարգ Կարգաբանի», գլ. 20.

³ «Հարստիկ Ազուրկան արարություններ, հրատ. Արմենիկ, 1938 թ., էջ 58.

⁴ «Ի՞նչ Կար արածե, չէր Գ. էջ 822.

- ա. Նուիրակաթխուն դրամ, յնրիս
ամս մի անգամ:
- բ. Քանձանակ յանուն ս. Թորոսյա:
- գ. Հոգեբաժինք:
- դ. Առատունք:
- ե. Քառասնից:
- զ. Կտակ:
- է. Յիշատակք քաղմատեսակք:
- ը. Առաջնորդաց ամենից կողակուտքն:
Հոգեբաժինքն և իւրեանց յատուկ:
Եկեղեցական զգեստքն և ձին:

Все эти поступления могли быть как деньгами, так и натурой. Особенно большие суммы и ценности поступали по статьям: „нвиракские“, „хогебэжиш“ („հոգեբաժին“ — „за упокой души“), „ктак“ (завешание). В 18-ом столетии, в особенности во второй половине его, нвиракские сборы по Индии достигали весьма больших сумм. Индийские армяно-миллионеры завешали Эчмиадзину громадные суммы. Мы уже указали на одного такого богача из индийских армян — Григор-ага Чакикенца, который только на постройку и оборудование эчмиадзинской типографии расходовал 7800 туманов.

В конце 18 и в начале 19 века большие суммы давали нвиракские сборы по Астрахани и Северо-Кавказским армянским колониям (Кизляр, Моздок, Нахичевань и др.), а также Петербург и Москва.

К сожалению, сохранившиеся в эчмиадзинском архиве документы по своей неполноте не дают возможности определить годовые итоги этих поступлений, а затем определить их удельный вес в доходах и значение их в роли капитала в деле разворачивания монастырского хозяйства. Тем не менее считаем нужным привести некоторые цифры, которые могут помочь приблизительному представлению о таковых поступлениях.

1. Согласно отчету епархиального начальника астраханской епархии архиепископа Иосифа Аргутян, в тече-

ние 6 лет, а именно с мая 1789 года по май 1795 года, поступило епархиальных (տառապարտութիւն) и нвиракских сумм только с вверенкой ему епархии 1393 тумана 8700 динаров,¹ т. е. в среднем 232 тумана в год только с одной епархии.

2. Согласно „приходной книге кассира св. престола“, в течение 8 лет, от 1783 года по 1790 год от богомольцев поступило деньгами разных стран в переводе по курсу на „куруши“ — 33114 курушей и 7 пара, а в среднем за год — 4139 кур. 11 пара, т. е. около 276 туманов.

При этом ведущий кассовую книгу оговаривается, что им не заприходованы денежные поступления от „крупных богомольцев“ (надо понимать — дающих большие деньги), которые, повидимому, вручались непосредственно католикосу.²

Кроме денежных сборов, „нвираки“ собирали всякого рода продукты (масло, сыр, мед, зерно и т. п.), сушеные фрукты, шерсть, легоматериалы, железо и т. д.

Каждый нвиракский округ (նախարարական գավառ) выполнял свои специальные задания, согласно занятиям своего населения.³

„Нвираки“ по армянским колониям (Индия, Константинополь и т. д.) привозили дорогие колонияльные ткани, фарфоровые изделия, чай, кофе, часы, бинокли (տարապետ) и т. д.

Нет сомнения, что нвиракство Эчмиадзина, независимо от корыстных и эксплуататорских целей духовных отцов, сыграло также и положительную роль в деле развития торговли и распространения предметов высокой культуры Запада в такие дальние уголки, как ереванское ханство XVIII века.

¹ Эчм. архив, папка VI, док. № 13.

² Там же, папка V, док. № 38, стр. 1 — 66.

³ Ср. „Նվիրակ“ — стр. 50 — 51.

Краткие выводы

Подводя итоги нашего исследования, мы приходим к следующим выводам:

1. Возобновление и развитие эчмиадзинского хозяйства стало возможным лишь при относительно благоприятной ему политической и социальной обстановке, сложившейся в XVII и XVIII в. в., вследствие:

1) покровительственной политики иранских шахов, 2) значительной денежной помощи колониального армянского торгового капитала и 3) возможности жестокой эксплуатации немущих слоев крестьян.

2. В начальной стадии своего развития (XVII в.) эчмиадзинское хозяйство ограничивалось главным образом частичной обработкой своих собственных земель в районе села Вагаршапата и рентой от мулковых сел, большей частью купленных им у частных лиц.

Благодаря значительным денежным накоплениям и возможности использования даровой и низкооплачиваемой рабочей силы эчмиадзинские католикосы в течение двух столетий значительно расширили хозяйство монастыря, создавая одновременно прочную базу под ним путем расширения посевной и виноградно-садовой площади, применения сравнительно усовершенствованных для своего времени сельскохозяйственных орудий, создания ряда кустарно-промышленных предприятий, обрабатывающих сельскохозяйственное сырье (мельницы, рисоочистильни, маслодельни, свечное производство и проч.), проведения новых каналов и стоков подводных вод (канканов), сооружения водохранилищ и т. д.

Во второй половине XVIII века хозяйство Эчмиадзина еще более расширилось, охватив, кроме сельского хозяйства и ремесленно-кустарной промышленности, также и торгово-банковскую деятельность, поскольку таковая могла развиваться в феодальном обществе, уже втянутом в сферу влияния внешнего торгового капитала.

3. В структуре эчмиадзинского хозяйства основное место всегда занимало сельское хозяйство, в основном земледелие.

Базой для земледелия служили: землевладение и собственные орудия производства.

Земельные владения Эчмиадзина делились на: 1) мулковые и 2) собственные.

Мулковые земли обрабатывали крестьяне мулковых сел самостоятельно, без помощи и вмешательства Эчмиадзина, и платили последнему ренту в размере $\frac{1}{10}$ доли урожая. Крестьяне одного из этих сел, — Вагаршапата, находившегося во владении Эчм. монастыря на тнупольном праве, платили также бахру (казенную часть ренты) в размере $\frac{1}{2}$ урожая и денежный налог.

Производственные отношения здесь характеризовались, как отношения земельного собственника к владевшим всеми средствами производства крестьянам-производителям, зависимым от собственника земли и платившим ренту в силу внеэкономического принуждения.

4. Основным и более устойчивым для Эчмиадзина являлось его латифундиальное хозяйство и связанная с последним кустарно-обрабатывающая промышленность, базировавшаяся на собственном землевладении, собственном водовладении, собственных орудиях производства и на наемной рабочей силе.

Ограниченные возможности пользования крестьянскими трудовыми повинностями, продолжавшими еще существовать в виде пережитков отработочной ренты (поставка жнецов во время жатвы, перевозка хлеба с монастырских полей и т. п.), не могли покрывать растущую

потребность в рабочей силе. Приходилось прибегать к наемной рабочей силе.

Источниками для наемной рабочей силы служили: малоимущие слои крестьян мулкадарских сел и пришельцы из других мест, гонимые гнетом денежных налогов и нуждой.

Однако, господствовавшая система мулкадарских земельно-производственных отношений при натурально-хозяйственном укладе общества, низкий уровень производственной сельско-хозяйственной техники и связанная с этим низкая производительность труда, сезонность сельскохозяйственных работ — весьма ограничивали рынок свободного наемного труда. Вместе с этим, отсутствие законности и фактически неограниченный произвол Эчмадзина, как тилдара, в отношении вагаршапатской общины, осуществлявшийся через прислужников из кулацкого слоя деревни — танутеров и кетхуд, давали благоприятную для эксплуататоров — монахов возможность выхода из затруднения путем принудительного набора низкооплачиваемой рабочей силы из среды неимущего населения, главным образом из сел. Вагаршапат.

5. По условиям найма и формам заработной платы рабочие были: сезонные и поденные. Зарплата выдавалась натурой, денежно и смешанно; превалировала последняя форма. К работе привлекались женщины и подростки, причем зарплата последних была в 2 — 2½ раза меньше заработной платы мужчин.

Зарплата рабочего была очень низкая. Она была ниже себестоимости; она не могла покрывать расходы на средства существования и воспроизводства рабочей силы.

При такой жестокой эксплуатации, разумеется, на работу монастыря могли идти только одиночки или находившиеся в крайне безвыходном положении, лишенные земли и крова люди. Имеющий свое хозяйство, хоть и мизерное, крестьянин добровольно не пошел бы работать на таких условиях. Этим и объясняются принудительные мероприятия монастыря в отношении крестьян и по-

стоянная борьба последних против своего эксплуататора.

6. Движение зарплаты монастырских рабочих почти за 60 лет (1743 — 1800) показывает повышение как номинальной, так и реальной зарплаты (смотри табл. 65). Это объясняется все более и более обострившимся недостатком в рабсиле, вследствие чего увеличивался удельный вес рабочих и крестьян — пришельцев со стороны, в отношении которых Эчмиадзин не мог применять принудительных мер, и, следовательно, их зарплата должна была постепенно приближаться к стоимости труда, а с другой стороны, — постоянной борьбой вагаршапатских крестьян, привлекаемых на работу принужденно, по наряду монастыря.

7. Рассматривая производственные отношения в эчмиадзинском хозяйстве с экономической точки зрения, приходим к заключению, что подобное применение наемного труда, хотя и по форме представляет явление, присущее капиталистическому способу производства, но в условиях господствовавшего натурального хозяйства оно сплеталось с пережитками феодально-крепостнических отношений, задерживавших его развитие.

В течение 60 лет XVIII столетия, за какое время мы располагаем материалами по зарплате рабочих, мы замечаем только весьма медленный процесс развертывания применения наемной рабсилы и постепенного вытеснения элементов, присущих феодальному хозяйству (например, постепенное увеличение рабочих, нанимаемых „с питанием за свой счет“, уплата деньгами за одежду сезонным и годовым рабочим, преобладание рабочих „со стороны,“ нанимавшихся по свободному соглашению, над рабочими из сел. Вагаршапат, вербовавшимися принужденно, постепенное увеличение зарплаты и приближение ее к стоимости рабсилы).

8. В производстве эчмиадзинского хозяйства преобладающее место занимали продукты питания и одежда (хлеб, рис, растительное масло, плоды, виноград, овощи, растительное волокно — хлопок и т. д.).

Переработка сельхоз. сырья, по своей технике несложная, базировавшаяся на оборудовании простой конструкции, на применении животной тяговой силы и на простом применении силы воды, — производилась внутри хозяйства и только частично передавалась местным ремесленникам „на заказ“ (тканье бязи из ниток заказчика, приготовление сыромятной и разной верхней кожи для обуви из сырья заказчика, шитье обуви и платья и т. д.).

Большая часть продуктов шла на внутрияхозяйственное потребление. На рынок шла только незначительная доля продуктов (рис, хлопок, лук и т. д.); взамен покупались: мясо, пшеница, масло, уголь, материалы для инструментов и т. д.

Исходя из этого, эчминадзинское хозяйство можно характеризовать как натуральное.

Однако, значительное преобладание денежной части в издержках производства (наем рабочей силы, покупка хоз. инвентаря) и сравнительно незначительная доля товарности продуктов производства создавали противоречие, которое неизбежно должно было завести хозяйство в тупик. Начиная оборот производства с денег (Д), которые в производстве превращаются в продукт и идут преимущественно на потребление и только частично на рынок (Т), не получается полного цикла хозяйственного оборота, дающего возможность его повторения. Формула $D - T - D^1$ неприменима в данном случае.

Это противоречие разрешалось следующими специфическими условиями эчм. хозяйства:

а) значительная часть продуктов расходовалась на „угощение“ богомольцев, которые взамен возвращали монастырю деньгами, в виде приношений под разными наименованиями (*«кшрициши»*, *«тофитродр»*, *«дшишду»* и т. д.); доход от богомольцев во много раз превосходил цену продуктов, употребленных на их „угощение“. Следовательно, расход продуктов на богомольцев по существу нельзя считать внутрияхозяйственным потреблением, он по

существованию своему есть реализация продуктов путем скрытого обмена на деньги, другими словами, это есть превращение продукта — товара в деньги (Д).

б) крупная доля полученных из хозяйства Эчмиадзинских продуктов реализовалась, как составная часть заработной платы рабочим, нанимаемым „с питанием за счет нанимателя“, и сезонным, годовым рабочим, которые целиком содержались за счет монастыря, и таким образом возращаясь в производство.

в) ввиду того, что Эчмиадзинский монастырь как духовный центр имел большие денежные доходы от „нвиракских“ и „престольных сборов, то он всегда имел возможность пополнить потребную денежную часть в издержках хозяйства за счет этих сумм.

Таким образом, в эчмиадзинском хозяйстве в силу специфических условий стало возможным сплетение капиталистических элементов в производстве с формами потребления, присущими феодально-натуральному хозяйству.

9. Одним из видов хозяйственной деятельности эчмиадзинских католяков являлись торгово-посреднические услуги (особенно развитые во второй половине XVIII в.). Эчмиадзин имел своих торговых агентов (*qar-shaqi*) почти во всех значительных торговых городах и портах Индии, Ирана, всего побережья Средиземноморья и проч., где только имелись армянские колонии. „Нвиракские“ сборы и крупные денежные пожертвования по распоряжению католяка „нвираки“ оставляли у этих агентов. Суммы эти использовывались для торгово-комиссионных сделок и для уплаты переводов денег посредством банковских операций. Ведшие торговые дела с дальними странами закавказские купцы, богомольцы в Иерусалим и в Мекку и всякие другие лица, имевшие надобность в переводе денежных сумм на иностранную валюту и на получение таковой на местах назначения, вкладывали деньги в валюту своей страны в Эчмиадзине и по письму — приказу (*qar-shaqi*) католяка, адресован-

ному своему агенту, получали деньги на желаемом месте и по местной валюте. Подобные же операции производились, когда купцы и др. возвращались на родину.

За свои услуги католики получали определенный % со сделки.

Эти операции играли большую положительную роль в деле развития торговли Закавказья с далекими восточными и западными рынками, способствуя ускорению сделок и безопасности денежных переводов.

П Р И Л О Ж Е Н И Е

Меры и веса, употребляемые в Ереванском ханстве
в XVII и XVIII в. в.

Денежные меры (иранские)

- Один туман = 10 миналтунам.
- Один миналтун = 1000 динарам.
- Один туман = 50 абаси.
- Один абаси = 4 шаи.
- Один шаи = 10 пулам (фиц).
- Один пул = 5 динарам.

Денежные меры (турецкие)

- Один киса = 500 курушам.
- Один куруш = 40 пара.

Примечания: 1. В XVIII столетии турецкие деньги имели свободное хождение в Ереванском ханстве, причем один туман иранский = 15 курушам турецким.

2. Российский империял равнялся приблизительно 15 курушам, или одному туману.

Меры веса

- Один халвар = 10 сомарам.
- Один сомар = 10 литрам (батманам).
- Один литр (батман) = 20 истилли.
- Один литр ереванский = 12 российским фунтам, или 5 кгр.

Примечание: эти же меры употреблялись для измерения площадей земли, причем один халвар земли равнялся площади, где можно было засеять один халвар зерна.

Меры напитков (вина, водки и проч.)

- Один карас = 20 литрам.
- Один литр = 4 чарекам.
- Один чарек = 4 нуян.

Л И Т Е Р А Т У Р А

На русском языке:

1. К. Маркс — „Капитал“ Т. I.
2. Его же — „Капитал“ Т. III.
3. Его же — „Заработная плата, цена и прибыль“.
4. В. И. Ленин — „Развитие капитализма в России“. Собр. соч., изд. 3-е, т. III.
5. И. Шопен — „Исторический памятник состояния Армянской области в эпоху ее присоединения к Российской Империи“, СПб. 1852 г.
6. „Колониальная политика российского царизма в Азербайджане“, ч. ч. I и II. Изд. АН СССР, 1936 г.
7. „Обозрение российских владений за Кавказом“, СПб. 1906 г.
8. Д. П. Пурцеладзе — „Грузинские крестьянские грамоты, крепостные и судебные акты...“ Тифлис, 1882 г.
9. А. Ф. Гакстгаузен — „Закавказский Край“, ч. I, изд. 1857 г.
10. Ж. Жарден — „Путешествие по Закавказью в 1672 — 1673 г.“ Тифлис. 1902 г.
11. С. А. Егнazarов — „Исследов. по истории учреждений в Закавказье, ч. I. Сельская община, Казань, 1889 г.
12. Р. Дарест — „Исследования по истории права“, СПб. 1891 г.
13. Мад. Орманиан — „Армянская церковь“, 1913 г.

На армянском языке:

Վաղարշապատի Պետական արխիվի անտիպ վավերագրերից.

1. Քղթապատի I, վավերագրեր № 13 — Շիրակի Սթանուրը կղթապատի իւրկէց սմանց և սրոց գաղտարտ. 376 ձեռագիր 69.
2. Քղթապատի I, վավեր. № 23, 74 ձեռ. 69.
3. „ „ „ I, վավերագրեր № 27.
4. „ „ „ II, „ „ № 1.
5. „ „ „ II, „ „ № 6, 348 ձեռ. 69.
6. „ „ „ II, „ „ № 6, 83 ձեռ. 69.
7. „ „ „ II, „ „ № 11, 355 ձեռ. 69.
8. „ „ „ II, „ „ № 12.

Указатель собственных имен

А

Аббас I Великий (иранский шах) 9, 39, 74
Аббас II 10, 14, 43, 47, 81, 82
Аббас-кули хан 43
Абраам Кретацци (католикос) 11
Агавантун (сел.) 31, 39, 45, 83
Агарон вардапет 34
Агафангел (историк IV в.) 5
Азербайджан 19
Азия 79, 84, 85
Айваз 77
Акулис (сел.) 103
Александр Джугаеци (католикос) 35, 36, 44, 47, 68, 84
Алишан (географ-историк) 84, 88
Амир-Рустам Амир Мюшкетере 31
Амстердам 97, 99
Ананда (богиня) 5
Андреас (рабочий) 63
Ани (крепость) 5
Ани (столица древн. Армении) 6
Арагац (Алигез, гора) 42
Араратский Артемий 61, 86, 87
Арменк Даврижеци (историк) 9, 74
Аракел — сын Филиппоса (крестьянин) 35
Армения 6, 7, 37, 79, 96
Арутюян Иосиф (епископ), 104
Армянская область 19, 57, 67
Арташат (город) 5

Арутюн вардапет 101
Аствацатур Амаданци (католикос) 5, 35, 44, 92
Астрахань 104
Атлантический океан 17
Ахалцихский пашалик 57
Ахмет III, султан турецкий 15, 18
Аштарак (сел.) 31, 32, 39, 63, 67, 83

Б

Багаярич (сел.) 5
Багдад 75
Багдасар, лудильщик 92
Бардумицеос, сын Мосеса 36
Баера (гор.) 75
Баязет (гор.) 53
Баязетский пашалик 57
Бендер — Абас (гор.) 75
Бендер — Бушир (гор.) 75
Бохенис (сел.) 27, 37

В

Вагаршант (сел.) 6, 7, 16, 23, 31, 34, 37, 39, 42, 45, 47, 49, 53, 57, 61, 67, 73, 77, 79, 81, 82, 93
Вардзигулов Василий 91
Вихтанг VI, царь Грузии 41
Венеция 99

Г

- Газар (Лазарь, католикос) 88
 Гакстгаузен А. 20
 Галуст, монах 62
 Галуст, рабочий 58
 Гасан -- Ашхял 16
 Гяне св., монастырь 15
 Геоццадара, канал 13
 Геоццадара, речка 42
 Григорий Македони (патриарх) 7,
 31, 32, 39
 Григорий Просветитель 6
 Григор-ага Чакакенц 75, 76, 104
 Грузия 17, 56, 67, 91, 93, 99
 Гуссейн-Али хан, сардар 12,
 30, 33, 39, 51, 83

Д

- Давид (крестыинин) 58
 Давид (священник) 91
 Далма, канал 42, 43
 Данис, см. Кирашлу
 Дирест Р. 30
 Двин (столица др. Армении) 6, 7
 Джахан-шах 7

Е

- Европа 75
 Едвард (сел.) 30, 16, 83, 93
 Египзаров С. А., проф. 30, 53
 Ереван 16, 17
 Ереванская область 11, 12, 14
 Ереванское ханство 17, 18, 29,
 31, 53, 67, 68, 91, 93
 Еремии Ошакянц 17
 Ефрем (католикос) 97

З

- Заквакляе 30, 53, 75, 99
 Занги (Раздан, река) 42
 Захария Акулеци 103

- Зелинский С. П. 56
 Зондские острова 17

И

- Иаков (Яков) Джугаеци (като-
 ликос) 14, 15, 33, 42, 91
 Иаков Шамахеци (католикос)
 33, 103
 Иерусалим 102
 Измаил-марза 83
 Индийский океан 17, 46
 Индия 10, 17, 75, 97, 104, 105
 Индо-Китай 17
 Иран 7, 10, 12, 17, 18, 67, 74, 75,
 96, 99

К

- Какос (крестьянин) 16, 36, 37
 Карабаглар (сел.) 33
 Карин (Эрзерум) 101, 102
 Карс 53, 87
 Кареский пашалик 57
 Каспх, река 42, 45
 Кизляр (город) 104
 Киликая 7
 Кирашлу (сел.) 31, 32, 39, 83
 Китай 17
 Константинополь 105
 Кяфал-оглы Меликом из Кар-
 си 57

Л

- Лагор 75

М

- Магомед Рагим 45
 Мадрас 75
 Маргар Халдарьян из Дзеуги 84
 Марке К. 65, 68, 70, 79, 80, 84
 Мастара (сел.) 39, 46, 57, 93
 Махмед-шефи 41
 Махмед-хан акинча 46

Махмут I, султ. турецкий 15
Месопотамия 97
Мецамор, река 43
Мкртич, вардапет 99
Мкртич, рабочий 63
Мирза - Кязум 15
Мирза - Махмед бек 35
Моздок 104
Мугаммед - Муса 44
Мугни (сел.) 31, 32, 39, 83, 93
Муртуза-паша 11
Мхитар Гаш 41

Н

Нагапет (католикос) 42
Надир-шах 11, 15, 25, 50, 73,
77, 88
Нахедур (сел.) 91
Нахичевань 104
Норагавит (сел.) 31

О

Ошакан (сел.) 26, 28, 35, 39, 44,
63, 67, 73, 83, 93

П

Паракяр (сел.) 67
Патриндж (сел.) 31
Петербург 104
Польша 17
Пурцеладзе Д. П. 91, 94, 95
Путуридзе В. С. 82

Р

Раджаб-паша 49
Рангоу 75
Рипсимэ св. монастырь 15
Россия 10, 17, 50, 53, 83
Рустам-хан 91

С

Саак (католикос) 6
Сирю-Мнеомет, даруга 16, 36
Саша-ханум 44
Севанское озеро 42
Сефи-хан 43
Сефи-шах 9
Сефишад (сел.) 44
Симеон Ереванци (католикос) 10,
13, 15, 17, 23, 32, 36, 37, 39, 48,
50, 51, 74, 78, 83, 85, 88, 91,
93, 96, 99, 100
Средиземное море 17
Сулейман-бек Каджар 39
Сулейман-шах 10, 39, 81, 82

Т

Тавриз 14, 45, 67
Тасматур (сел.) 91
Тохмаз-кули-хан (Надир шах) 11
*Тохмаз-кули-хан, сын Амир-
люле хана* 37
Тбилиси 74, 91, 92, 95
Тордан 5
Турция 11, 12, 17, 42, 56, 85, 87,
96, 99

Ф

Филиппинские острова 17
*Филиппос (Филиппос, католи-
кос)* 9-11, 14, 42, 43, 45, 47
Франкляноц (сел.) 26-28, 33

Х

Халил-хан 16
Хатум-арх. (сел.) 44
Ходжа-Мосес 35

Ч

Черное море 17

Шарден Ж. 96, 99
Шахатунян О., епископ, 93
Шир-Абад (сел.) 67
Шогакат св., монастырь 15
Шолем И. 29, 30, 37, 38, 41, 18,
 50-51, 57-60, 68, 70-73, 79-

81, 83, 85

Шулаверы (сел.) 67, 91

Э

Эчмиадзин 6-11, 15-17, 23-25,
 31, 35, 37-39, 45, 47-50, 53-54,
 57, 59-60, 62, 67-70, 73-75,
 77, 79, 98-105, 107-109, 111

Ա Ս Փ Ո Փ Ո Ւ Ս

1. Եջմիածնի տնտեսությունն վերականգնուածը, և հետագա պարգացուածը հնարագոր յեղագ միայն XVII և XVIII դարերու մէջ նրա համար ստեղծված այն քաղաքական և սոցիալական բարենայաստ պայմաններն շնորհիվ, վորոնք հետեանք էլին.

ա) իրանական տիրակալների հովանավորական քաղաքականութեան,

բ) հայ առևտրական կառնիտայի դրամական զգալի ոգնութեան և

գ) գյուղացիութեան չաւնետր շերտը դաժանորեն շահագործելու հնարագորութեան:

2. Իր պարգացման առաջին շրջանում (XVII դ.) Եջմիածնի տնտեսութեանը սահմանափակված ևր դիւսավորասիւս Վաղարշապատ գյուղի ուստնում գտնված իր սեփական հողերի մշակութեամբ և մուլքային գյուղերից ստացած ունեւայով:

Իրամական զգալի կուտակումների և ձրի ու ևժան բանվորական ուժի ուստագործման հնարավորութեան շնորհիվ՝ Եջմիածնի կաթողիկոսները յերկու հարաւրամյակի ընթացքում զգալիորեն ընդարձակեցին վանտեան տնտեսութեանը, ստեղծելով միաժամանակ այդ տնտեսութեան համար ամուր հենակետ՝ ջանքերի և ալգիների տարածութեան ընդարձակման, իրենց ժամանակի համար համեմատարաւ կատարելագործված գյուղատնտեսական գործիքների կիրառման, գյուղատնտեսական հումքը մշակող մի շարք սնայնագործական-արդյունաբերական ձեռնարկութեաններ (Նրագոտներ, դիւններ, ձիւհաններ, մոմի գործարան և այլն) ստեղծելու, վորոգման նոր ջրանցքներ և գրանրաններ ստեղծեցնելու, արհեստական ջրամբարներ կառուցելու միջոցով:

XVIII դարի յերկրորդ կեսին Եջմիածնի տնտեսութեանն էլ ալելի ընդարձակվեց, ընդգրկելով՝ բացի գյուղատնտեսութեան-

Ինչ և արհեստավորական-տնայնագործական արդյունաբերու-
թյունից, նաև առևտրա-բանկային գործունեությունը, վերջին
այդ հնարավոր եր ֆեոդալական մի այնպիսի հասարակության
միջ, վորն արդեն ներգրավված եր արտադրին առևտրական կապի-
տալի ազդեցության շրջանակի մեջ:

3. Եջմիածնի տնտեսության կառուցվածքի մեջ հիմնական
տեղը բռնում եր գյուղատնտեսությունը, զիսավորապես յերկրա-
գործությունը: Ենթադրուածն էր հիմնական հետևելուներն եյին
հանդիսանում հողատիրությունը, ջրատիրությունը և արտադրու-
թյան սևիական գործիքները:

Եջմիածնի հողային կալվածքները յերկու կարգի էյին—
մուլքային և սևիական:

Մուլքային հողերը մշակում էյին մուլքային գյուղերի գյու-
ղացիները ինքնուրույնաբար, առանց Եջմիածնի ոգնության և
միջամտության, միայն թե վճարում էյին վերջինիս «ոննտա»
բերքի 10-ի շափով:

Այս գյուղերից սեկի՝ Վաղարշապատի գյուղացիները, վորը
Եջմիածնի տիրապետության տակ եր զանվում թիուրական իրա-
վունքով, վճարում էյին Եջմիածնին բացի «մուլքից», նաև «բաշ-
րա» (ոննտայի պետական մասը), բերքի 2-ի շափով, ինչպես
նաև զրամական տուրք:

Արտադրական հարաբերություններն այստեղ ընտրուելում
էն վորպես հողի սևիականատիրոջ՝ մի կողմից և արտադրու-
թյան բոլոր մյուս միջոցների տեր, անմիջական արտադրող, հողի
սևիականատիրոջից կախումն ունեցող և արտատնտեսական ճշու-
ման տակ վերջինիս «ոննտա» վճարող գյուղացու միջև՝ մյուս կող-
մից:

4. Հիմնականը և Եջմիածնի համար ազելի կայունը նրա
լատիֆունդիալ տնտեսությունն եր և վերջինիս հետ կապված
անայնադործական-մշակող արդյունաբերությունը, վորոնք հիմնու-
ված էյին՝ սևիական հողատիրության, սևիական զրատիրության,
արտադրության սևիական գործիքների և վարձու աշխատանքի
վրա:

Գյուղացիական աշխատանքային պարհակների ոգտագործ-
ման սահմանափակ հնարավորությունը, վորոնք զեռ շարունա-
կում էյին իրենց գոյությունը նուխկին աշխատային «ոննտայի

(отрабoтoчнaя рeнтa) ապրուիկների ձևով (հնձի ժամանակ հնձվորները տալը, վանական դաշտերից հացահատիկային բերքը կարկը և ամբարները փոխադրելու պարտավորութունը) չեյին կարող ծածկել բանվորական ուժի նկատմամբ անոց պահանջը՝ Պետք էր գիտնել վարձու բանվորական ուժի։

Վարձու բանվորական ուժի ազդյուններ էյին հանգիստանում մուլքային գյուղերի շուննոր գյուղացիները և կարիքի ու դրամական հարկերի ճնշման տակ հեծող՝ այլ վայրերից յեկվորները։

Սակայն, մուլքադարական հողային-արտադրական հարաբերութունների տիրոջ սխտեծը հասարակության նատուրալ-տնտեսական կենցաղի պայմաններում, գյուղատնտեսական արտադրական տեխնիկայի ցած մակարդակը և սրտ հետ կապված աշխատանքի ցած արտադրողականութունը, գյուղատնտեսական աշխատանքի սեզոնականութունը, — այս բոլորը խիստ սահմանափակում էյին ազատ վարձու աշխատանքի շուկան։ Սրա հետ միասին, որինտեղանության բացակայութունը և Եջմիածնի՝ վորպես թիւղարի, փաստորեն այն անսահման կամայականութունը Վաղարշապատի գյուղական համայնքի նկատմամբ վորն իրականացվում էր գյուղի կուլակային շերտերից յեւած հաճոյակատարների՝ տանուտերների և քեղխուղաների ձեռքով, — շահագործող սեղողութիւններին ըարենպատ հնարավորութուններ էյին ընձեռում այդ դժվարութունից դուրս գալու՝ գյուղի շրավոր բնակչության (գլխավորապես Վաղարշապատ գյուղի) միջից հարկադրական միջոցներով և չնչին աշխատավարձով բանվորներ հավաքելու միջոցով։

5. Բատ վարձու պայմանների և աշխատավճարի ձևերի բանվորները լինում էյին՝ սեզոնային և որավարձային։ Աշխատավարձը տրվում էր՝ բնամթերքով, փողով և խառն. տիրապետող ձևը վերջինս էր։ Բանվորի աշխատավարձը շատ ցած էր։ Կացած էր բանուժի ինքնարժեքից. նա չէր կարող ծածկել բանվորական ուժի գոյության պահպանման և նրա վերարտադրության ծախքերը։

Այսպիսի դաժան շահագործման պայմաններում, բնականաբար, Եջմիածնի վանական տնտեսության մեջ աշխատանքի պիտի գային միայն միայնակները կամ ծայրահեղորեն անելանակի։

գրութեան մեջ գտնված, չողից և ռիւսներէջ զուրկ մարդիկ: Իր, թեկուզ և խղճուկ, տնտեսութեան ունեցող գյուղացին կամովին չէր գնա այդպիսի սլաքամաններով աշխատելու Սրանով ևն բացատրվում վանքի հարկադրական միջոցառումները գյուղացիների նկատմամբ և վերջիններս մշտական սլաքաթեր իրենց շահագործողի դեմ:

6. Վանական բանվորների աշխատավարձի շարժումը շուրջ 66 տարվա (1843—1800) ընթացքում ցույց և տալիս ինչպես նոսրանալ, նույնպես և սեւալ աշխատավարձի բարձրացում (տես աղյուս., էջ 62): Այս բացատրվում և բանվորական ուժի ավելի ու ավելի սրվող պահանջով, վարի հետևանքով աստիճանաբար ուժեղանում ևր զրսից յնկած բանվորների տեսակարար կշիռը հարկադրարար աշխատող վաղարշապատցի բանվորների զիմաց և քանի վոր առաջինների նկատմամբ Եջմիածինը հարկադրական միջոցներ կիրառել չէր կարող, ուստի և նրանց աշխատավարձը պիտի հետդնտես բարձրանար և ձգուեր: Իտանել բանուժի արժեքին: Այս հանգամանքը միաժամանակ խթանում ևր վաղարշապատցի բանվորների պայքարը վանքի դեմ, վորի հետևանքով, բարձրանում ևր նաև վերջիններս աշխատավարձը:

7. Դիտելով արտադրական հարաբերութեանները Եջմիածնի տնտեսութեան մեջ տնտեսագիտական տեսակետից՝ զալլա ենք այն յնկրակացութեան, վոր վարձու աշխատանքի այսպիսի կիրառումը, թեպիտ և իր ձևով արտադրութեան կապիտալիստական յնդանակին հատուկ մի յիրուեյթ և հանդիսանում (ազատ վարձու աշխատանքը յերկրագործական կապիտալիզմի զլիտավոր արտահայտութեանն ևս—(Ենին), սակայն տիրապետող նատուրալ տնտեսութեան պայմաններում նա հյուսվում ևր ֆեոդալական-ճորտատիրական հարաբերութեանների հետ, վորոնք արդեւակում էյին նրա զարգացումը:

Վախճուն տարվա ընթացքում, վոր ժամանակի համար մեր ձեռքի տակ կան աշխատավարձի վերտրերյալ սովյալներ, մենք նկատում ենք վարձու բանվորական ուժի ծավալման և ֆեոդալական տնտեսութեանը հատուկ տարրերի վտարման մի իխտողանդաղ պրոցես (որ՝ «իրենց շացով» վարձվող բանվորների քանակի մեծացումը, սեղոնային և տարեկան բանվորներին հագուստ տալու փոխարեն՝ «չորսուզին» վճարելը, «դրսից յնկոյց»

ազատ վարձու բանվորների գերակշռումը Վաղարշապատից ստի-
պողաբար վարձվող բանվորների հանդեպ, աշխատավարձի աս-
տիճանաբար բարձրանալը և մոտենալը բանվորական ուժի ար-
ժեքին և այլն)։

Տ. Եղմիածնի տնտեսութայան արտադրութայան մեջ գերակշռ-
ածը տեղ էլին գրավում սննդի և հաղուստի մթերքները (հաց,
բրինձ, ձկն, պտուղներ, բամբակ և այլն)։

Գյուղատնտեսական հումքի մշակումը հիմնված էր շատ
պարզ կոնստրուկցիայով սարքավորմամբ պորձարանների, կենդա-
նական քաչող ուժի և ցրի ուժի պարզ սպասարկման վրա։ Մշա-
կումը կատարվում էր տնտեսութայան ներսում և մասնակի հափով
միայն արվում տեղական արհեստավորներին պատվերի ձևով
(«на заказ»)։

Արտադրական մթերքների մեծ մասն սպառվում էր տնտե-
սութայան ներսում։ Շուկա չիր հանվում մթերքների համեմատա-
բար մի վաճառ մասը (բրինձ, բամբակ, գինի, սալ և այլն)։ Վո-
խարենը գնվում էլին՝ միս, յուղ, ածուխ, պորժիքների համար
Նյուեթեղեն (սեպաթաղուս) և այլն։

Յնչնևրով սրանից՝ Եղմիածնի տնտեսությունը կարելի չե
բնութագրել վորպես նատուրալ տնտեսություն։

Սակայն արտադրութայան ծախքերի մեջ գրամական մասի
վրայի գերակշռումը (գրամավարձ բանում, գյուղատնտեսական
ինվենտարի գնումն և այլն) և սրա հանդեպ արտադրած մթերք-
ների ապրանքայնութայան համեմատաբար փոքր տեսակարար
կշիռը Եղմիածնի տնտեսութայան մեջ ստեղծում էլին մի հակա-
սություն, վորն անխառնափոխորեն պիտի զցեր այդ տնտեսու-
թյունը վախառում մեջ։ Արտադրութայան շրջանառությունը փո-
ղից (Փ) սկսելով, վորն արտադրութայան մեջ դառնում էր մթերք
և գնում գլխավորապես ներքին սոլառման համար և միայն փոքր
մասամբ հանվում շուկա վորոյն ապրանք (Ա), չեր կարող ստաց-
վել տնտեսական շրջանառութայան լրացրած ցիկլ, վորը հնարս-
վորություն պիտի տար այդ շրջանառությունը կրկնելու
Փ — Ա — Փ ֆորմուլան այստեղ անկիրառելի չեր։

Վերոհիշյալ հակասությունը լուծվում էր Եղմիածնի տնտե-
սությանը հատուկ հետևյալ պայմաններին շնորհիվ։

ա) Արտադրած մթերքների զգալի մասը ծախսվում էր տեխնավորներին հյուրաստիություն վրա, վորոնք զրա փոխարեն հասուցում էին վանքին փողով գանազան նվիրարերությունների (զդարպաս, «աջահամրույր», «մասանց» և այլն) ձևով: Ուխտավորներից ստացված յեկամուտը մի քանի անգամ դերադանցում էր նրանց «հյուրաստիության» համար արած ծախսերին: Հետևաբար, տեխնավորների վրա կատարած մթերածախսերը չի կարելի համարել կյապես ներտնտեսական սպասումն՝ նեղ իմաստով. սա իր էությունը մթերքների վերածումն և դրամի՝ թագնրված փոխանակության միջոցով. այլ խոսքով մթերքի ապրանքայնացումն և և ապրանքի վերածումը դրամի:

բ) Եղմիածնի տնտեսությունից ստացված մթերքների խոշոր մասն իրացվում էր վորպես՝ «վարձողի հացով» աշխատող բանվորների աշխատավարձի մի մասը: Մթերքների այս մասն էլ, այսպիսով, նորից վերադառնում էր արտադրության մեջ:

գ) Իսակ վուր Եղմիածինը, վորպես հողուր կենտրոն, ուներ մեծ դումարներ, վորոնք ստացվում էին «նվիրակային» յեկամուտներից և «աթուհասաներից», ուստի նա միշտ հնարավորություն ուներ արտադրության համար պահանջող դրամական ծախսերի պակասը յրացնելու այդ դրամական միջոցների հաշվին:

Այսպիսով, Եղմիածնի տնտեսության մեջ, նրան հատուկ պայմանների շնորհիվ, հնարավոր էր դառնում արտադրության մեջ յիրևան յեկամ կապիտալիստական տարրերի հյուսումը սպասման այնպիսի ձևերի հետ, վորոնք հատուկ են Ֆեոդալական-նատուրալ տնտեսությանը:

Ձ Եղմիածնի կաթողիկոսների տնտեսական գործունեության տեսակներից մեկուն էր առևտրամիջնորդային գործառնություններն էին, վորոնք առանձնապես մեծ տեղ էին բռնում XVlll դարի յերկրորդ կեսին: Եղմիածինն ամենուրեք՝ Հնդկաստանի, Իրանի, ամբողջ Միջերկրածովային ափերի և այլ առևտրական նավահանգիստներում ու վաճառաշահ քաղաքներում, վորտեղ վոր հայ դաղութներ կային, ուներ իր առևտրական «գործակալները»: «Նվիրակությունից» ստացված գումարները և դրամական նվիրատվությունների զգալի մասը, կաթողիկոսների կարգադրությամբ, թողնվում էին այդ «գործակալներին» մոտ և ոպտագործվում առևտրամիջնորդային գործարքների և

բանկային ոպերացիաների ձևով դրամական փոխադրություն-
ների վճարումների համար:

Առաջոր յերկրների հետ առևտրական զործեր վարող ան-
զբրկովկասյան վաճառականները, Յերուսաղեմ և Մեյքա ուղե-
վորվող ուխտավորները և այլ կարգի մարդիկ, վորոնք կարիք
եյին զգում դրամական փոխադրություններ և փոխանակություն-
ներ կատարելու վայրատայով, կամ դրամն ստանալու իրենց
ցանկացած վայրում, իրենց դրամը մուծում եյին Եջմիածնի դրա-
մարկոյ տեղական դրամանիշներով և փոխարենն ստանում կա-
թողիկոսից փոխանակագիր— հրաման (եփոլիցայողիր) հասցեյա-
պրված այն գործակալի անվան, վորը պիտի վճարեր համապա-
տասխան գումարը իր տեղում իր տեղական վայրատայով: Նման
ոպերացիաներ կատարվում եյին և այն ժամանակ, յերբ այդ
վաճառականները վերադառնում եյին հայրենիք:

Իրենց արած սպասի (սպասի) համար կաթողիկոսներն ստա-
նում եյին վորոչ տոկոս գործարքի գումարներից:

Այսպիսի ոպերացիաները խոշոր և զրական դեր եյին կատա-
րում Անդրկովկասի առևտրի զարդացման համար՝ կապելով նրան
արևելյան և արևմտյան հետափոր շուկաների հետ, նպաստելով
գործարքների արտադրմանը և զրամական փոխադրությունների
դյուրացմանը:

О Г Л А В Л Е Н И Е

	Стр.
1. Краткий очерк истории эчмиадзинского хозяйства до начала XVII в.	5
2. Политическая и социальная среда	9
3. Структура эчмиадзинского хозяйства	22
4. Земельные владения	25
5. Возрождение	41
6. Производство и производственные отношения:	47
а) земледелие	47
б) виноградарство	67
в) промышленные предприятия	69
г) музакдарские владения	77
д) имения и разные недвижимые имущества в Грузии.	91
е) банковско-торговые операции	96
ж) церковные и "престольные" сборы и другие вне- хозяйственные поступления	102
7. Краткие выводы	106

Отв. редактор С. Будумян
Тех. редактор В. Макукян
Отв. корректор Г. Турабин

Сдано в производство 10/III 1940 г.

Подписано к печати 15/VI 1940 г.

Уполн. главлита Э—1361, издание № 61, заказ № 70, тираж 1000.
8 печ. л., цена в перепл. 5 р.

Типография АрмФАН-а, Ереван, ул. Ленина № 67.

Важнейшие опечатки

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
19	4 св.	стр. 95	стр. 159
25	1 св.	1-178	1-178
30	5 св.	„Исторические памятники“	„Исторические памятники“
32	2 св.	стр. 212 — 216	стр. 212 — 214
43	3 св.	Софи — хан	Софи — хан
49	13 св.	в „Джамбре“	в „Джамбре“
	15 св.	Раджа — паша	Раджап — паша
52	2 св.	98	99
58	10 св.	экономическое	экономическое
64	13 св.	Движение пени	Движение пен
74	7 св.	„ларар“-ом	„ларар“-ом
	10 св.	шахом — Софи	шахом — Софи
92	14 св.	195	190
104	10 св.	195	190

ԳՍՄ Ֆիննարտ Գիտ. Գրադ.

FL0582379

ЦЕНА

РД

II

61180